

с письменного
стола
писателя

*Ольга
Иванова*

91

главы романа

Пленница Нила

Часть первая

Невеста султана

«НОЧЬ подобна мягкому покрывалу, окутывает тысячи тел, убаюкивает всех. Под её покровом даже неугомонные и буйные головы смыкают веки. Её волшебным чарам доступно всё. Ночь проникнет в любой дом, в самый крохотный

уголок, дохнёт сонными парами на непоседливое дитя и на стража, который таращит глаза на непроглядную темень. Во мраке легко спрятаться, раствориться, превратиться в неуловимую птицу, упорхнуть из гнезда. И нам всё удастся. Никто и не заметит, как уйдём, а после вернёмся». Так думала в этот поздний час Тулунбай.

Дочь оглана Тогаджи стояла у распахнутого окна, зябко кутаясь в набро-

шенный на плечи кафтан. Дорогой атлас не грел, и она подумала поменять его на чапан. Он из крепкого сукна, не такой красивый, не так ярок и не удостоен украшений вышивками и сверкающими камнями, но в сырую и прохладную погоду сгодится куда лучше наряда, предназначенного для дворца. Она решила облачиться в него, как только наступит время спуститься в сад.

А пока не могла оторвать глаз от картины, простирающейся перед ней. Ночь стремительно опускалась на Сарай, раскидывала над всей степью свой необъятный плащ, расцветенный тысячу далёких звёзд. Тьма подгоняла повозку небесных верблюдов, чей путь завершался там, где проваливался в бездну несомый ими багровый солнечный диск. Тулунбай следила за его исчезновением с нетерпением, надеялась, что с последними лучами затихнет жизнь во дворце, заснут его обитатели и даже стражи потеряют бдительность. Она только того и ждала, чтобы поспешить в самый дальний уголок сада, где у неприметной калитки, прячущейся за зелёной завесой лиан, притаился верный ей Алан.

Вместе с сестрой хана Узбека – Нурбикой задумали неслыханное: под покровом мглы выбраться из дворца и отправиться на окраину ордынской столицы к источнику святого Ахмеда. Девушкам за подобный поступок грозило строгое наказание, а вот нукер и вовсе мог лишиться головы. Но они не задумывались о грозящей в случае провала беде, затея виделась весе-

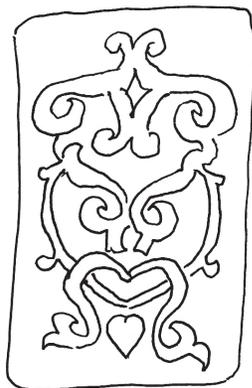
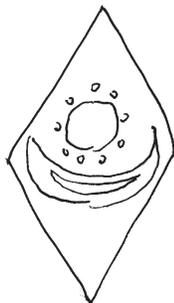
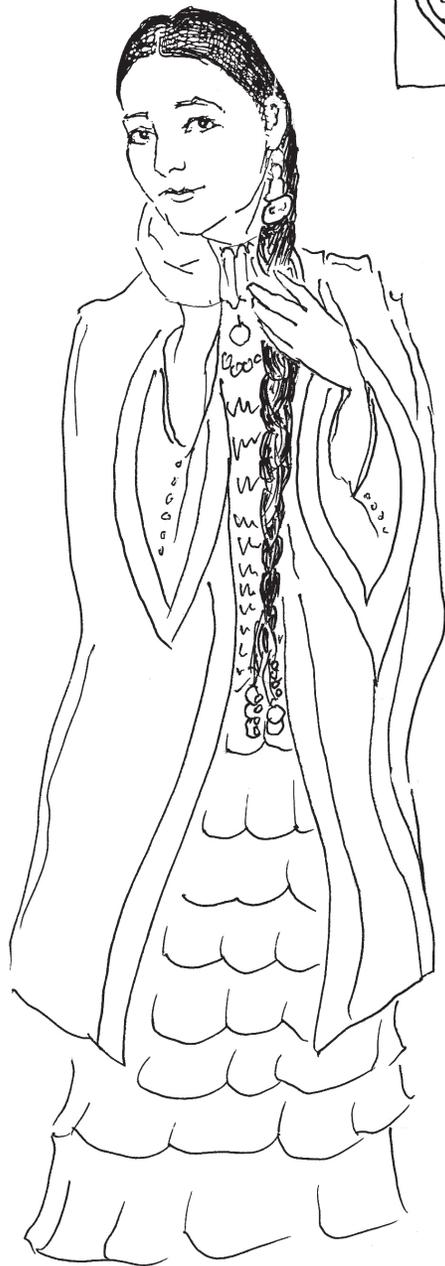
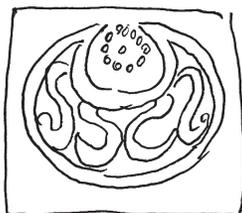
лым развлечением в унылой череде похожих друг на друга дней. Справедливости ради назвать скучным последнее лето язык не поворачивался, ведь столько будоражащих событий произошло. Чего только стоило сватовство египетского султана ан-Насира! С самих берегов Нила за любимой сестрой хана Узбека явились мамлюкские послы и ожидали терпеливо, пока малику* из рода великого Чингисхана отдадут им.

А сборы всё затягивались, вот тогда избалованной красавице Нурбике и пришёл на ум каприз. Захотелось ей взглянуть на своего будущего супруга, но не в день, когда достигнет она Египта, а прежде, чем покинет пределы Сарая. Для того требовалась самая малость – оказаться у источника святого Ахмеда, славившегося всякими чудесами. В роднике, как уверяли гаремные сплетницы, если заглянуть в воду в полночь, можно увидеть лицо того, кто уготован тебе судьбой. Нурбика поведала о своей задумке Тулунбай, а та пообещала всё устроить. И сегодня, когда Алану удалось раздобыть ключ от садовой калитки, всё и должно было произойти. Круглое ночное светило, с чьим сиянием сладкоголосые поэты сравнивали красу луноликих дев, вступило в полную силу и подходило для их дерзкой затеи. Осторожная Тулунбай предпочла бы беспросветную тьму, когда легче стать незаметными, но всё-таки согласилась с

* Малика – принцесса, близкая родственница хана, то же, что и ханика.

Как ордынская принцесса стала женой султана мамлюков

Имя ей было Тулунбей. Знаменитому хану Узбеку она приходилась дальней родственницей. Свидетельства древних историков в вопросе, кем именно приходилась дочь оглана Тогаджи повелителю Великому Улуса, разнятся. Но доподлинно известно, что некую девушку из ханского рода по имени Тулунбей в 1320 году выдали замуж за правителя Мамлюкского султаната –

доводами султанской невесты. Нурбика надеялась на могущество хозяйки ночи, которая своим серебристым светом разгонит тьму, осветит им путь, и жениха можно будет разглядеть во всех подробностях.

Малика напомнила об этом дочери Тогаджи, пока бежали по саду, а заодно не забыла похвалить её:

– Ах, до чего же ты ловка, Тулун, всё предусмотрела! Мне удалось напоить твоим отваром и прислужниц, и евнухов, посланных стеречь мой сон. Ругала всех за кислый шербет, а они в голос: «Как такое может быть, повелительница наша, в этом шербете одна сладость – чистый пекмез*!» Я их всех по очереди заставила хлебнуть из кувшина. Они и захрапели вскоре. Не знала, что нам так запросто удастся провести этих гупцов!

Девушка звонко рассмеялась, напугав птаху на дереве, отозвавшуюся встревоженным клёкотом. Птица забила крыльями, роняя пожелтевшие листья на поникшую траву, один прилетел на плечо дочери оглана, и Тулунбай, нахмурившись, стряхнула его.

– Тише, Нурбика, – одёрнула сердито болтушку, – мы ещё и за ворота не выбрались. Вдруг навлечёшь беду?

– С чего бы это? Какая беда может грозить родной сестре повелителя в его столице? Весь мир в наших степях принадлежит хану Узбеку, а значит и мне, разве тебе это не ведомо, сестрица?

Тулун лишь вздохнула. Порой Нур-

бика становилась невыносимой, высокомерие её выплёскивалось наружу, подобно переполненной чаши фонтана. Вот и сейчас взяла и напомнила о том, что она – настоящая госпожа в этом дворце, любимица господина Великой Орды, на которую он надышаться не может. А вот Тулунбай всего лишь дальняя родственница, которую привезли в Сарай, когда её отец, один из многочисленных дядей хана, не вернулся из набега. Оглану Тогаджи так и не удалось справиться с бедами своего улуса, потому его детям досталась судьба скитальцев, и отправились они после гибели отца в поисках приюта у более благополучных сородичей. Самую младшенькую из них – Тулун – доставили во дворец Узбека, чтобы он решил её судьбу. Хан мог отдать девочку на попечение любому члену их высокого рода, но оставил в Сарае. Говорили, по желанию ханум Баялун, которая захотела, чтобы любимица господина Нурбика не искала подружек среди невольниц, а имела наперсницу из одного с ней семейства.

Тулунбай отныне на судьбу не жаловалась, Нурбика была доброй девочкой, охотно делилась с сиротой игрушками и нарядами, но всё же случалось, указывала дочери Тогаджи на её место. Она к переменам в настроении ханской сестры сумела приспособиться, даже искренне полюбила привереду и всегда прощала её надменные высказывания. Не обиделась и сейчас, знала, как укротить вспышки самоуверенности юного создания:

– Может, тебе весь мир принадлежит, но не забывай, что сейчас мы пере-

* Пекмез – выпаренный сироп из фруктов или ягод.

Мухаммада ан-Насира. Но прежде султану была обещана родная сестра Узбека, и причина замены неизвестна.

Судьба Тулунбей в Египте складывалась вовсе не так, как предполагали в Сарае. После восьми лет брака последовал развод, и вскоре султан отдал женщину одному из своих эмиров. Послам же, требовавшим от имени хана вернуть ордынскую принцессу в семью, было объявлено об её смерти. Послы вернулись ни с чем, а Тулунбей до конца своих дней осталась в Египте. На протяжении

шагиваем границы дозволенного, того, что запретно даже тебе, великая госпожа! Если нас поймают и приведут к повелителю, ты ему повторишь сказанное мне?

Припугнуть девушку оказалось достаточно, она притихла. А Тулунбай, напротив, разошлась, разглядев, что под тонким золотистым плащом напарницы по побегу скрывается шёлковый наряд:

– Ах, Нурбика, мы же не на пиршество собрались! Ночи уже холодные и сырые, я говорила тебе одеться теплее или захватить тот пурпурный плащ, который в прошлый раз купили на базаре. Он с меховой подкладкой и не такой приметный. Теперь уже нет времени возвращаться.

Любимица Узбека в ответ лишь удручённо промолчала, похоже, уже прочувствовала, как неуютна ночь за пределами дворцовых стен. В этот поздний час в саду задувал ветер, и она ощущала неласковое дыхание последних дней лета. Дочь Тогаджи куда чаще, чем хотелось ханике, оказывалась права, и, несмотря на присущую ей заносчивость, Нурбика порой признавала собственное безрассудство. Однако вскоре её покинуло всякое раскаяние, и она уже не сожалела о том, что отдала предпочтение изящному наряду, ведь у садовой калитки, спрятанной за ворохом спутанных лиан, их ожидал Алан.

Высокий и крепкий нукер шагнул им навстречу, словно тень отделилась от каменной ограды.

– Всё готово? – шёпотом спросила его Тулунбай. – Стража нас не заметит?

– Они недавно проходили здесь, госпожа, и, словно почуяли неладное,

покрутились у калитки, но моё местоположение не открыли. Сюда вернутся через некоторое время, только мы успеем проскользнуть, если поторопимся.

– Ты всё предусмотрел, Алан, я надеюсь на тебя.

Нурбика ни вопросов сестры, ни отчёта телохранителя не слушала, дыхание её участилось, и кровь толчками билась в висках. Она не сводила смущённого взора с высокой широкоплечей фигуры джигита, со смуглого лица с острыми скулами и хищным чувственным ртом. Твёрдый пристальный взгляд Алана заставил девушку окончательно смешаться. А он неторопливо и с достоинством поклонился ей:

– Госпожа...

Хана Узбека – её старшего брата – считали самым красивым правителем Орды, но Нурбика любила его как отца, а вот телохранитель сестрицы заставил дрогнуть сердечко совсем по-иному. Ей бы виду не подавать, разве она не знала силу своего очарования и превосходства над другими, но сейчас, казалось, позабыла о собственной красоте, настолько простой воин заворожил её. И где сестра сумела отыскать столь соблазнительного помощника, задушить её мало за то, что скрывала нукера.

Тулунбай в эти минуты заботила предстоящая вылазка, но она всё же заметила, как заблестели глазки сестры, а румянец окрасил круглые щёчки. Дочери Тогаджи было не привыкать, давно притерпелась к броской внешности Алана, привлекавшей многих женщин. Приставленный к ней отцом лет десять назад нукер в дни скитаний и несчастий всегда оставался рядом с ней,

многих лет султан вынуждал её вновь выходить замуж за мамлюкских эмиров, стоило только очередному супругу скончаться. Сторонникам ан-Насира она скорей всего отдавалась как почётная награда за преданную службу. Но возможно, хоть один из них пытался завоевать сердце госпожи.

А какой Тулунбай была? Чувствовала ли себя пленницей Нила или на берегах этой реки обрела счастье с одним из своих мужей? Время хранит эту тайну. А всякая тайна даёт простор для воображения романиста.

защищал, оберегал, случалось, шёл на смертельный риск ради маленькой госпожи, а ведь и сам тогда был безусым юнцом. Но ныне он превратился в крепкого мужчину, и ему давно уж запретили появляться в гареме, потому Нурбика не сталкивалась с ним, увидела впервые. Будь у них больше времени, Тулун с удовольствием понаблюдала бы, как рушатся стены высокомерия сестрицы под дерзким, покоряющим взглядом её телохранителя. Но сейчас им следовало поторопиться.

– Если караул скоро вернётся, не будем задерживаться.

Мужчина, нащупав в ворохе зелёных лиан железное кольцо калитки, потянул слегка заскрежетавшую дверь на себя. Скрип больше напомнил тяжкий человеческий вздох, и они на мгновение замерли, настороженные, но Алан уже выглянул за каменную ограду и махнул рукой, дав понять, что путь открыт.

Они больше не медлили, Тулунбай ухватила задрожавшую от волнения ладонь Нурбики. Нукер возглавлял их шествие, держа наготове незажжённый факел. Но пока над Сараем висела полная луна, освещение им не требовалось.

В эту пору жизнь в столице Улуг Улуса затихала, бодрствовали только посетители тайных мест развлечения и караульщики, обходившие столицу в поисках злоумышленников и любого непорядка. Но никого они не находили, ведь морозящая промозглость отбивала у местных жителей желание выбираться из дома в такой час, а у любителей поживиться за счёт запоздавших горожан всякую охоту выходить на промысел.

Потому стражники, встретившиеся беглецам на одной из площадей, вели себя расслабленно, шли по улицам лишь по привычной обязанности, не глядяываясь в тёмные углы.

Алан, приложив палец к губам, знаками велел притаиться у стены медресе. Блюстители порядка прошли совсем близко, до девушек донёсся треск и запах факелов. Они испуганно замерли, когда один из стражей остановился неподалёку от них. Мужчина, бормоча ругательства под нос, пытался поправить отсыревшую, пропитанную смолой паклю, но она, несмотря на его усилия, окончательно погасла. Караульщик бросил факел на землю, а тот, шипя и плюясь дымом, покатился под ноги Нурбики. От неожиданности ханика едва не завопила, но Алан успел прижать госпожу к своей груди, и крик замер на её устах. Тулунбай от волнения чуть не прокусила собственную ладонь. Она не представляла себе, какие беды ожидали бы их, донесись до городских стражей порядка хоть один звук, но, к счастью, нукер спас положение.

Между тем оставший охранник поспешил нагнать товарищей, и вместе они растворились во тьме слободской улочки. Дочь Тогаджи, наконец, смогла выдохнуть и перевести взгляд на своих спутников. Нурбика всё ещё прижималась к широкой груди Алана, и он не спешил разжать успокаивающих объятий. Однако, заметив недовольно сдвинутые брови Тулун, отступил в сторону.

Кивнув друг другу, они пошагали дальше, придерживаясь надёжной и спасительной стены вытянувшегося вдоль арыка здания.

На страницах «Казанского альманаха» вниманию читателей представлены первые главы из романа «Дочь оглана». Благодаря сохранившимся свидетельствам об этом династическом браке, большинство героев романа – реально существовавшие исторические лица. Старинные документы донесли до нас их имена, и какое участие они принимали в судьбе Тулунбей. Хан Узбек, Баялун, беклярибек Кутлуг-Темир, египетский посол эмир Утуджи и купец Сусун. Особенно

– Слава Аллаху, нас не заметили, – дрожащим голосом шепнула Нурбика, стоило Алану пройти вперёд, чтобы разведать, не опасен ли для них проход через ещё одну площадь. – Мне уже не хочется идти дальше. Может, вернёмся?

Тулунбай поджала губы, выражая недовольство. Она была не из тех, кто бросает задуманное на полпути. Сестра столько времени изводила её своим желанием пробраться к источнику, а теперь, в двух шагах от цели, внезапно струсила и хотела заставить их вернуться, поджав хвост.

– Не придумывай, Нурбика! Если сейчас поддамся уговорам, и мы не дойдём до родника, станешь попрекать меня всякий раз. Держись-ка за меня, будем пробираться дальше.

– Но я вся промокла, – захныкала Нурбика, – туфли вот-вот развалятся, я не знала, что идти придётся так далеко. Зря я послушалась тебя! Если брат узнает...

– Не узнает, если не станешь болтать, – сжав зубы, сердито оборвала причитания девушки Тулунбай.

– Ах, Тулун, это ведь не тебя вот-вот отправят к султану мамлюков. Что скажут послы ан-Насира, если до них долетят слухи о невесте их повелителя, разгуливающей ночью по Сараю?

Но доводы малики ещё больше рассердили её заупрямившуюся наперсницу.

– Разве ты, Нурбика, не желала увидеть своего мужа, прежде чем достигнешь берегов Нила?! А если так, прекрати жаловаться и сомневаться! Мы почти добрались до нужного места, или

повернём назад? А ещё скажем Алану, что он зря рисковал, добывая ключ, и всё, что для нас делал этот отважный джигит, напрасно...

– Ладно, ладно, – замахала руками ханика.

Ей оказалось достаточным упоминание имени красавца-телохранителя, ведь в глазах возвращавшегося из разведки Алана ей вовсе не хотелось выглядеть жалкой плаксой. Она приоткрыла рот, и остаток пути Тулун больше не услышала ни словечка, хотя уже сама жалела об их неразумной вылазке, только признаваться в том не хотелось. Воспротивилась бы сестра ещё разок, и она без сомнений повернула бы назад. Но нукер уже привёл их к оврагу, разве можно отступить сейчас?

Перед спуском дочь Тогаджи замерла, узкая тропка змеёй вилась в чёрный провал, а там, во тьме, – неизвестность. Но Алана обрыв, схожий с крутым яром, не испугал, он легко сбежал вниз и уже там зажёл факел, освещая дорогу обеим девушкам. Тулунбай ступила первой, и Нурбика не захотела показывать своего страха, хотя больше всего на свете желала оказаться сейчас во дворце, а не в чреве ужасающего её места. От холода и испуга у ханики зуб на зуб не попадал, а тут ещё сырая глина разъезжалась под ногами. Изнеженная госпожа, не привыкшая к подобным трудностям, не удержалась и упала в грязное месиво, образовавшееся около родника. Мгновенно полились слёзы, теперь уже бесконечные, и остановить её рыдания не получалось даже у Алана. Немного успокоить девушку смогли, освободив её от мокрого, перемазанного глиной

сказочной выглядит судьба брата Сусуна – юноши Кусуна, прибывшего вместе с караваном султанской невесты в Каир. Обычный торговец за довольно короткое время стал одним из самых влиятельных царедворцев при султанском дворе.

В романе читателям предстоит увлекательное путешествие из ордынско-го Сарая в Азак, Византию, бейлик Ментеш и, наконец, в Египет, в Каир, где ныне в Городе мёртвых покоится ордынская принцесса Тулунбай.

плаща. Нукер накинул на плечи госпожи свой подбитый овчиной чапан и усадил Нурбику на торчавший на дне оврага валун.

Она всё ещё всхлипывала обиженно, но забота мужчины утешила её. И Тулунбай обняла сестру, укутала своим покрывалом:

– Бедная, ты вся вымокла. Но зато мы добрались! Давай помогу подойти ближе.

Журчащий источник загадочно поблёскивал в лунном свете, словно открывалось среди камней, которыми он был обложен, таинственное зеркало. Дочь Тогаджи неотвратимо тянуло к нему, а вот любимица хана Узбека вдруг упёрлась:

– Не стану смотреть! А что, если султан окажется стариком или уродом, как шут нашего брата?

– Не болтай! Нам говорили, что он лишь немного старше повелителя, мужественен и привлекателен.

– Как наш брат?

Упомянув хана Узбека, Нурбика исподтишка взглянула на Алана. Не будь нукера рядом, спросила бы свою наперсницу напрямик, не одарил ли Всевышний будущего супруга такими же чертами, фигурой и крепкими, но ласковыми руками? Невозможно осознать, что всем этим обладает простой телохранитель, взращённый царевичем Тогаджи, тогда как султан Египта может оказаться толстым и неприятным, как большинство служителей гарема в её окружении. Тулунбай не ответила, но затаила лёгкий вздох. Увы, её сердечко частенько трепетало, когда она видела Узбека. Повелитель был так хорош, что в него влюбилась бы и каменная статуя.

– Я не знаю, Нурбика, сравнивается ли он с нашим господином, но послы говорят об ан-Насире, как о сильном воине, перед которым трепещут враги, а поэты сочиняют о нём стихи. Так ты согласишься?

Полная луна, скрывшаяся ненадолго за пробегающим по небосводу облачком, в этот момент показалась во всей красе, и под её щедрыми, сере-

бристыми лучами даже на дне оврага посветлело, а зеркало источника засияло по-особенному. Заворожённая этим зрелищем, Тулунбай слегка подтолкнула сестру:

– Поглядишь же, Нурбика.

Но девушка отвернула заплаканное, перепачканное в грязи личико.

– Боюсь, Тулун. Взгляни-ка ты первой.

– Что же мне делать с тобой, трусишка? Ну, хорошо, – сдалась дочь Тогаджи. – Покажу тебе, что это совсем не страшно.

Она подобралась к роднику, ухватившись обеими руками за каменные края чаши, длинные косы свесились вниз, концы их мгновенно намокли. Зеркало воды поначалу не впечатлило, девушка разглядела лишь плавающие листики и травинки, шевелящиеся на дне. Она хотела рассмеяться и пошутить над теми, кто утверждал о колдовских свойствах источника, но внезапно замерла. В одно мгновение поверхность стала прозрачным стеклом, а с той стороны на неё уставились чьи-то холодные глаза. Лицо у мужчины было чеканное, суровое, щека изуродована глубоким шрамом, губы крепко сжаты, а на белом тюрбане роскошное перо цапли. Видение короткое, изменчивое, как ртуть, возникло и тут же рассеялось. И вновь только листики на поверхности воды и утонувшие травинки, которым не суждено всплыть. Тулунбай показалось, что она вовсе перестала дышать, едва не задохнулась, так что пришлось глубоко и судорожно втянуть носом воздух, словно после долгого погружения она выплыла, наконец, из омота, тянущего на дно. Бика испуганно отшатнулась, закрылась широким рукавом. Нурбика заметила её испуг и вмиг позабыла о собственных неприятностях.

– Что ты там увидела, сестра?!

Её так и распирало от любопытства, она подскочила к Тулунбай, затебила за рукав, но та не сразу смогла ответить. Хотела скрыть, не получилось, лишь невольным вздохом вырвалось:

– Султана...

Ханика смотрела недоверчиво.

– Моего султана?

Тулунбай, очнувшись, нахмурилась.

– Что тебе в голову пришло, Нурбика? Откуда мне знать, какого султана я видела?! Но одет он был как настоящий повелитель и держался так же...

Она споткнулась, вспомнив холодный взгляд мужчины, суровые губы, а в них ни теплоты, ни любви. Видение было короткое, но оставило на душе тревогу, от которой никак не удавалось избавиться.

– Так ты посмотришь или нет?

Ханика замотала головой.

– Не стану. Да и луна пропала, ничего уже не разглядеть. Вернёмся скорей во дворец, я замёрзла.

Дочь Тогаджи кивнула, соглашаясь. Она даже не разозлилась на Нурбику за её упрямство, всю обратную дорогу молчала, а беспокойство не отпускало, корябалось острыми шипами. Кого увидела в источнике, неужто самого султана Египта? А может, это Су Иеси посмеялся над ней? Показал хозяин водной стихии мужской облик, чтобы гадала после, кто это и отчего привиделся ей. Вопросы, сколько она их ни задавала, оставались без ответа. Безмолвствовала и Нурбика, кутаясь в чапан нукера, покашливала временами. Алан шёл позади, оглядываясь и не спуская настороженной ладони с рукояти кинжала. Но на обратном пути им никто не встретился, благополучно добрались до ханского сада, а там распрощались со своим проводником.

Сестра хана Узбека проводила телохранителя долгим взглядом и вздохнула.

– Счастливая ты, Тулун, тебе позволено выходить за пределы гарема, видется с кем пожелаешь.

– Мне не позволено, Нурбика, просто во дворце никому нет дела до меня, вот и могу улизнуть при случае на конюшню. Хожу проведать лошадь, которую мне повелитель подарил, а заодно с Аланом перемолвлюсь. Вот и об этой ночи с ним уговорилась, а он согласился

помочь. Если бы нас поймали или, не дай Аллах, узнают об его участии, Алана в живых не оставят.

Тулунбай покосилась на вновь вздохнувшую сестру, ожидала признаний. Нурбика никогда от неё не скрывалась, всем, что на сердце легло, делилась. Тулун ни на мгновение не сомневалась в том, что Алан поразил высокомерную Нурбику, и вот сейчас её прорвёт, от восхищения юная госпожа не удержится. А там, глядишь, попросит тайное свидание устроить. Она всегда была поверенной десятков тайн ханики. Но сестра Узбека так и не вымолвила ожидаемых слов. Она была непривычно тиха и немногословна.

– Пойду к себе, – только и вымолвила, махнув рукой.

Тулунбай пожалала узкими плечиками, видимо не придётся остаток ночи выслушивать пылкие речи Нурбики. Впрочем, тьма уже покидала ордынскую столицу, близкий рассвет прорезывал кромку неба серо-розоватой полоской. И дворцовый муэдзин спешил к минарету, чтобы призвать оттуда правоверных к молитве. Поёживаясь от утренней прохлады и плотней запахиваясь в белый халат, он ступень за ступенью преодолевал крутую лестницу, ведущую на самый верх. Когда тягучий азан полетел над высокими башнями и плоскими крышами слободских домов, обитателям дворца пришло время пробуждаться, а обе дочери из знатнейшего рода великого завоевателя только погрузились в сновидения. Сон одной был крепок и здоров, а у другой превратился в бредовое забытье.

* * *

Жизнь во дворце Алтын-Таш закипела с первыми лучами солнца – обыденная, наполненная множеством незначительных, но необходимых дел. Лишь ближе к обеду случился переполох, даже до последнего невольника долетела весть о внезапной болезни младшей сестры повелителя.

Весь Сарай знал, что Нурбика слыла

любимицей Узбека, на самую красивую из своих сестёр ордынский господин возлагал большие надежды, собирался выдать её замуж за девятого мамлюкского султана ан-Насира Мухаммада I и укрепить этим браком связи с сильным мусульманским государством. Не последнюю в том роль сыграло религиозное предпочтение Узбека, но более всего он надеялся занять надёжного союзника в борьбе с Абу-Саидом. Ильхан страны Хулагуидов* стоял костью в горле хана Великого Улуса. Совсем недавно Узбек ходил с войском на Иранскую землю, только многомесячный поход не принёс нужных плодов, в битве на Куре перевес оказался на стороне противника. Однако повелитель ордынцев не оставил надежд подмять под себя богатые земли, по которым пролегли важные для торговли пути. Мамлюки, имевшие свои интересы в ильханате, могли помочь исполниться заветной задумке.

С этой целью и возобновили переговоры о династическом союзе, которые Каиром велись несколько лет. Они обрывались из-за упрямого высокомерия степных князей, считавших султана, чей отец происходил из семьи скотоводов и был рабом, недостойным девушки из рода непобедимого Джучи. Пока посольства перепрягали верблюдов для очередных бесконечных препирательств, ханика Нурбику из угловатой девочки успела превратиться в черноглазую пери, самая пора для замужества. В этот год стараниями беклярибека Кутлуг-Темира удалось уговорить непокорных предводителей ордынских племён. Как бы ни кичились они знатным происхождением, громкими титулами и делами своих прародителей, но стоило раскинуть перед ними красочный ковёр из множества выгод, которые намерева-

лись получить в этом тонком деле, так один за другим сдались даже самые спесивые из них.

Потому к началу лета 719 года хиджры** египетских послов, прибывших в Сарай по иному поводу, вдруг огорошили известием о готовности отправить ордынскую принцессу в Каир. И так как хан Узбек отдавал в жёны ан-Насиру свою любимую сестру, подобный шаг требовал небывалой щедрости со стороны мамлюков. Цена выкупа за невесту вызвала нервную икоту у главы посольства эмира Утуджи и возникли вполне объяснимые трудности с выплатой, задержавшие отбытие ханики. Уронить честь своего господина эмир не мог и вынужден был обойти всех египетских торговцев на базаре, собирая необходимую сумму. А после с него потребовали преподнести богатые подарки самым влиятельным из тех, кто решал судьбу юной госпожи, следом запросили украшений для свадебного каравана. Просьбы и указания сыпались одно за другим, заполняя корзину неуёмных желаний ордынских князей, Утуджи только успевал поворачиваться. Когда же исполнились многочисленные требования и утряслись мелкие неурядицы, настало время отправлять Нурбику в путь, случилось непредвиденное. Коварно подступившая болезнь сломила все намерения повелителя Орды, и никто сейчас, кроме Всевышнего, не мог сказать, как надолго затянется недуг прекрасной ханики и не случится ли, не допустит Аллах, её кончины.

Тулунбай пробудилась, когда солнце уже перебралось с вершины на нижний ярус голубого свода. Она не представляла себе, как смогла столько проспаться никем не обеспокоенная. Подумалось: «Неужто Айсара пропустила и утреннюю, и обеденную трапезу? Как только отыщу эту негодницу, задам ей!» Невольницу отдали ей в услужение, должно быть, за лень и нерадивость. Нико-

* Государство Хулагуидов – Иранская земля. Ильханат в основном занимал территории, которые ныне являются частью таких современных государств, как Иран, Азербайджан, Туркменистан, Пакистан, Афганистан и Армения.

** 1319

му не пригодилась эта вечно сонная, невзрачная девушка, вот и приставили к Тулун. Посчитали, что лишь дочери Тогаджи такая помощница согдится. Но почему, если Айсара позабыла о своих обязанностях, в гареме, где для дневного приёма пищи накрывался общий дастархан, никто не заметил её отсутствия? И Нурбика о ней не вспомнила, или тоже до сих пор не выбралась из объятий сна? Предположений нашлось с десяток, Тулунбай обо всём передумала, пока одевалась и приводила себя в порядок, но об истинном положении дел не догадалась.

О болезни сестры она узнала, когда вошла в зал гарема, где под высоким расписным потолком, подобно ярким птицам в клетке, проживали наложницы повелителя. А там невольницы и евнухи только и говорили о страшном недуге, свалившем юную госпожу этой ночью. Обеспокоенная Тулун ловила шепотки, доносившиеся отовсюду. Она кинулась к покоям ханики, но внутрь никого не пукали.

– Простите, бика, – склонился один из евнухов, стоявших на страже, – табибы опасаются распространения хвори, и пока никому не позволено посещать госпожу.

– Я не боюсь заразиться, войду ненадолго.

Тулун украдкой приоткрыла ладонь, в которой блеснула монета, но страж гарема остался невозмутим:

– Даже ханум Баялун ушла ни с чем. Повелитель отдал строгий приказ.

– Так это повелитель не позволил или лекари? – в недоумении спросила она стражей.

Но те больше и слова не произнесли, словно запечатали свои уста. Тулун, как ни крутилась около них, как ни угаривалась, не добила даже полслова о состоянии Нурбики. Расстроенная, она отправилась к себе, а по дороге заприметила Айсару, та, вытянув шею, высматривала кого-то из-за угла.

– Куда ты пропала, глупая?! Почему не разбудила меня, не рассказала о болезни Нурбики?

Невольница от неожиданности вытаращила круглые глаза, на её плоском как блюдо лице с широким носом только эти чёрные бусины, похожие на камни агата, являлись украшением.

– Как услышала о несчастье, госпожа, сразу побежала всё разузнать, а потом увидела...

Айсара шмыгнула носом, обтираясь рукавом.

– Что увидела, наказание ты моё?!

Тулун нетерпеливо притопнула ногой в мягкой туфле.

– Нашего повелителя, госпожа. Он как раз вышел из покоев ханики и был в таком гневе! И сразу отдал приказ: «После молитвы приведите ко мне эту девчонку!»

Тулунбай в испуге замерла. Подспудно угадала, о ком говорил Узбекхан, и страх охватил так, что даже волоски шевельнулись на затылке. В голове пронеслось: «Если Нурбика проболталась, я пропала – вышлют из Сарая в дальний улус. А Алана схватят и бросят в зиндан. Это меньшее, что нам обоим грозит». Но о себе думалось меньше, она крепко ухватила прислужницу за плечо.

– Беги на конюшню, Айсара, и передай Алану, чтобы он укрылся где-нибудь. Пусть уходит из дворца, спрячется и ждёт моего знака.

– Зачем ему прятаться? – хлопнула глазками невольница.

– Я велю тебя висеть! – разозлилась Тулун на неуместное сейчас любопытство Айсары. – Скорей ступай! И попробуй в этот раз не проявить расторопность!

Невольница обиженно поджала губы и отправилась выполнять приказ, но, несмотря на угрозы бики, поспешным её уход не выглядел. Тулунбай хотелось прикрикнуть, подогнать служанку, но слова замерли на языке при виде главного евнуха. Тучный и высокий Хасан-ага перегородил своей внушительной фигурой весь коридор, но Тулун и не подумала отступить, быстро пошла ему навстречу. Сейчас только главный распорядитель гарема мог ответить на все

её вопросы? Но ага, выслушивая её, даже не удосужился склонить голову, глядел так мрачно, будто уже готовился сопроводить бика на место казни, подтверждая всем своим видом самые худшие предчувствия. Не ответив на вопросы девушки, евнух вскинул подбородок, утопавший в жирных складках толстой шеи, и произнёс громко, почти угрожающе:

– Следуйте за мной, Тулунбай. Повелитель ждёт.

Сердце девушки пропустило удар, но она была бы не дочерью Тогаджи, если б сразу не смогла взять себя в руки. Всю дорогу до ханской приёмной Тулун молилась о благополучии Алана, надеялась, что нерадивая невольница успеет добраться до конюшни, где служил её нукер, и предупредит того об опасности. Она плохо представляла себе, куда можно скрыться от гнева сарайского господина и его упорных ищек, но Алан всегда отличался сообразительностью, не пропадёт и на этот раз. А вот ей скрыться было негде, и бика глубоко вдохнула, прежде чем стражи, склонившись, распахнули тяжёлые, украшенные резным орнаментом створы дверей приёмной залы.

Она вошла, не поднимая глаз. Тулунбай и прежде не осмеливалась смотреть на хана, даже когда он обращал на неё внимание и заботливо спрашивал, не требуется ли ей чего. Но тогда она была ребёнком, а как повзрослела, властительный брат словом с ней не обмолвился, словно не было Тулун во дворце. Узбек часто останавливал их в саду или на террасе, где нравилось прогуливаться Нурбике, но разговаривал лишь со своей любимицей, а на стоявшую позади, подобно её тени, дочь Тогаджи почти не глядел. Мог лишь кивнуть головой напоследок. К равнодушию она привыкла, да и как бы смогла скрыть свои чувства, заговори он с ней. Быть незаметной девушке нравилось, находила в таком положении немало преимуществ. На празднествах и пиршествах она устраивалась так, чтобы любоваться Узбеком, не прив-

лекая внимания. Повелитель едва ли замечал восхищённый взор девочки, потому дочь оглана Тогаджи не упускала возможности украдкой разглядывать его мужественное прекрасное лицо, ловить каждое уверенное движение сильного тела. Однако бдительности она не теряла, никто, даже Нурбика, не догадывалась, о чём Тулун думала в такие моменты. Да никому и не было дела до той, чья захудалая веточка не усохла лишь потому, что ещё была жива она.

Когда несколько лет назад испуганную малышку Тулун доставили в этот дворец, Узбек приподнял её и расцеловал в круглые яблочки щёчек. «Благодарение Всевышнему, ты не пропала на том пути, по которому шёл твой отец», – произнёс он и завоевал в тот момент её сердечко. И, несмотря на то что повелитель чаще был суров и почти никогда не проявил своей заботы, не выделял её среди других детей, Тулунбай всегда помнила те поцелуи и слова. Глупая эта была влюблённость, повзрослев, девушка осознавала всю безнадежность своего чувства, но справиться с ним было не так-то легко. Но Аллах был милостив к ней, не испытывал на прочность и не сталкивал с повелителем лицом к лицу, ведь тогда бы она не знала, как себя вести и не показать своего истинного отношения к брату Узбеку.

Сейчас всё было по-другому, нынешняя робость жидилась на опаске, что ничем хорошим для неё встреча с ханом не закончится. Уже по одной позе, в какой Узбек восседал на широкой тахте, девушка угадала состояние повелителя. Он был в ярости и не остыл за те несколько часов, которые отделяли утро, когда господин обнаружил свою внезапно заболевшую сестру, и послеобеденную пору, выбранную для встречи с виновницей несчастья. Узбек не стал сдерживать своего гнева, загромел, едва она склонилась перед ним:

– Как ты посмела?!

Дочь Тогаджи побледнела, но в этот раз не спрятала взгляда, подняла голову, хотя трепетала от страха. Хан подскочил с места, навис над маленькой

хрупкой фигурой, словно намеревался раздавить своей мощью.

– Как ты посмела, бика, подвергнуть опасности жизнь Нурбики?! Кто тебе помогал в этом дерзком поступке?! Кто надоумил совершить подобное безрассудство?!

Тулунбай не ощущала собственного тела, да и был ли у неё голос и язык? Но они не отнялись, не онемели, заговорили за неё, ответив быстро и громко разом на все вопросы господина:

– Спросите об этом у вашей сестры, повелитель!

Глаза хана налились свинцовым холодом, застыли, замер и палец, которым он грозил, размахивал перед её лицом. Тулунбай, не отрываясь, смотрела на массивный перстень на этом пальце, кровавый рубин в обрамлении ажурного золота словно налился кровью. Казалось, ещё мгновение, и он ударит её, рассечёт лицо, причинив невыносимую боль, потому как удар этот нанесёт любимый человек. А разве долгими ночами, когда оставалась одна, Тулун не мечтала о том, как руки Узбека будут ласкать её, подарят наслаждение, о котором она ничего не знала, но предчувствовала, угадывала трепетной душой, каким оно может быть? Сколько раз дочь Тогаджи грезила несбыточным, тем, что однажды хан Узбек пожелает взять её в жёны. Происхождение дочери оглана позволяло свершиться такому браку, а дальнейшее родство не препятствовало. Она мечтала, разумом осознавая невозможность такого счастья, и день ото дня убеждалась в полном равнодушии повелителя. А в этот час и вовсе разгневала господина до такого состояния, что Узбек был готов применить силу или даже убить её.

Разве не следовало взмолиться, рухнуть на колени, прося прощения? Но бика не сдалась, не подумала о благодарности и собственном спасении. Остановивало её требование Узбека назвать имя сообщника, помогавшего в их бегстве из дворца. Значит, проболтавшись, Нурбика пощадила Алана, не выдала его. А ведь во всей этой истории

именно нукеру грозило самое суровое наказание. Тулунбай не могла позволить погибнуть тому, кого ещё зелёным юнцом отец назначил ей в телохранители. Алан был единственной связующей нитью с её прошлым, с родным домом, с погибшим отцом. Дочь Тогаджи стиснула зубы и продолжала вызывающе смотреть в разъярённое лицо сарайского господина, сама не понимая, отчего она больше не дрожит и не закричит от ужаса? Желание спасти Алана толкало на дерзкую, безрассудную смелость, и Тулунбай предпочла скинуть вину на ханику. Зачем выгораживать Нурбику, ведь что бы ни сделала избалованная любимица правителя, ей наказание не грозило. А если её и ждёт расплата, так пусть ответит за то, что открыла их тайну.

– Разве вы не спросили у своей сестры, повелитель, зачем ей вздумалось пойти к роднику святого Ахмеда? Я не могла оставить её одну с этой затеей, или вы предпочли бы, чтобы Нурбика отправилась туда в одиночестве?

– Никто не в силах заставить мою сестру отвечать, у ханики сильный жар. Она проговорила о вашей вылазке в бреду. Табибы страшатся, боятся мне и слова сказать, но я вижу...

Тулун сникла. Как же ей хотелось оглохнуть в этот миг, стыд за вырвавшиеся слова, за то, что обвинила несчастную свою сестру, сражающуюся с джинами болезни, сжигал дотла. Она ощущала толчки крови, бившейся в ушах, и последние слова хана заставили вздрогнуть испуганно:

– Жизнь моей милой Нурбики висит на волоске.

Глаза Тулунбай налились слезами, а сердце пропустило удар.

– Повелитель, – пролепетала она.

Узбек остановил её взмахом руки. Со стороны казалось, что у него забрали последние силы, и он более не желал ничего обсуждать.

– Удались, Тулун, – устало бросил он, – я вынесу решение не сейчас. Отправляйся к себе и не смей покидать своих покоев.

Она вышла, волоча непослушные ноги, мир окончательно потерял свои краски. Несмотря на капризный нрав Нурбики, Тулунбай любила её. Несколькими годами они были неразлучны, часто засыпали в одной постели, пока дочери Тогаджи не выделили отдельные покои. Отдали крохотный уголок большого дворца, не такой роскошный, как у ханской сестры, и больше похожий на чулан, но Тулун радовалась своему маленькому убежищу. Зависти к более удачливой, лелеемой и любимой всеми Нурбике она не испытывала, хотя порой не прочь была проучить её, не прикрывать многочисленные грешки. Если ханике всё сходило с рук, ради чего тогда навлекать гнев на свою голову? Но в этот час Тулунбай ощутила себя преступницей. Сожаление о содеянном, стыд и раскаяние вихрем навалились на неё и раздавили. Неподъёмная тяжесть вины навалилась на хрупкие плечи, и девушка с трудом заставляла себя идти вперёд. Хасан-ага молча сопровождал её. Она не сразу поняла, что хан поручил евнуху стать её тюремщиком и не выпускать из покоев. Ага не позволил свернуть туда, куда ноги вновь понесли бики – к покоям Нурбики.

– Вам не позволено.

– Ты не понимаешь, ага. Когда Нурбика болеет, я всегда нахожусь подле неё, – уговаривала Тулунбай. – Она будет звать меня, искать!

– Ступайте к себе и не сопротивляйтесь, бика. Нашей ханике найдётся, у кого искать поддержки, около неё табибы и её мать. Вас она пожелает увидеть в последнюю очередь.

Ох, Хасан-ага ещё и поиздеваться пожелал! Тулун помнила, как этот неприятный, грузный распорядитель гарема всегда глядел на неё с едва скрываемым презрением, будто в дочери Тогаджи не текла кровь ханского рода. Узбек, выбирая ей тюремщика, не мог сыскать лучшего, чем главный евнух. И всё же она попыталась молить его:

– Нурбика меня позовёт, а я не окажусь рядом!

– Повелитель не позволил вам поки-

дать своих покоев, и тем более приближаться к госпоже ханике. Смиритесь, бика.

Когда дверь захлопнулась за Тулун и ключ повернулся в замке, запирая её снаружи, мир сузился до узкого помещения, где всё пространство занимали суфа и сундук с одеждой. На него Тулунбай и уселась, досадуя на несговорчивого служителя гарема. Узкое окно выходило в сад, из него прошлым вечером она наблюдала за угасанием солнца, готовясь сбежать из дворца.

Она подскочила с сундука, бросившись к окну, но намерение выбраться в сад оказалось невыполнимым. Тулун не испугала бы высота, и тонкий стан позволял выбраться наружу, но под её окном для маленьких сыновей Узбека наставники устроили состязание в стрельбе из лука. Подобные забавы затягивались надолго, потому не стоило думать, что удастся выбраться из заточения незамеченной. Да и куда бежать? Разыскать Алана, если он последовал её совету, почти невозможно. Где он сейчас, одному алпаху известно...

Тулунбай всхлипнула, забралась с ногами на постель. Обхватив колени руками, качнулась из стороны в сторону, обессиленное тело пошатывалось, словно ствол деревца под порывами свирепого ветра. Так и качалась, закрыв глаза и постанывая от горестного бессилия. Стоны вскоре перешли в тихую песню, такую когда-то напевала её мать – бика Шаджар. Протяжная, токливая песнь без начала и конца тянулась, словно степная дорога...

* * *

Хан Узбек часто вспоминал о Шаджар. Из-за неё, женщины, давно ушедшей из жизни, он принял в свою семью Тулун. Когда-то властительный дядя – хан Тохта – отправил Узбека собирать воинов для намечавшегося похода, повелел поторопить разленившихся владетелей малых уделов. Дядя недолюбливал племянника, будто чувствовал в сыне одного из своих многочисленных

братьев сильного соперника. Что и говорить, подозрения хана родились не на пустом месте, на молодого царевича – красивого, мужественного и облечённого множеством добродетелей – многие смотрели как на преемника стареющего правителя. Потому при каждом удобном случае повелитель не упускал возможности принизить Узбека. И эта поездка по дальним улусам, когда от невыносимой жары, казалось, плавился даже воздух, стала очередным испытанием, в котором следовало унять собственную гордыню и настойчиво преодолевать трудности. И Узбек напоминал себе о терпении, пока тащился на коне во главе своего небольшого отряда, отирая едкий пот, и, укладываясь для сна на мокрую провонявшую попону. В этих диких местах даже караван-сарай не попадались, – ни захудалого айла, ни юрты кочевого пастуха.

Но на шестой день своего смиренного пути по пыльной степи он наткнулся на пасшиеся стада Саур-бека. Стада были невеликими, как и само стойбище бека, чей род был некогда славен, но с годами потерял людей и богатства. У Саура не рождались сыновья, которые могли приводить из набегов скот, невольников, набивать сундуки узлами с добром. Не приносили жёны сыновей, одних только дочерей. Но зато каких! Слепительную красоту нежных лиц и грациозность девичьих станов не в силах были скрыть простые скромные одежды. Глаза-вишенки его дочерей с лукавым разрезом блистали ярче дорогих камней, изгибались полумесяцем бархатные брови, ранили в самое сердце стрелы длинных ресниц, а толстые косы до земли были подобны арканам, захватывающим в плен. Одна из них звалась Шаджар.

У Узбека дыхание перехватывало при взгляде на неё. И бика не могла ни обратить внимание на привлекательно-го джигита, принадлежавшего к самому знатному роду завоевателей. Являлись ли когда-нибудь царевичи-чингизиды в их захудалое поселение, да ещё столь приятные лицом и обходительные в

общении? Все её сёстры в одночасье влюбились в Узбека, вздыхали и охали наперебой, заявляли, забыв о стеснении, что с таким огланом бежали бы из родного айла, только помани он хоть одним взглядом. Но Шаджар была иной, слыла она разумной и самой послушной из дочерей. Отец несколько лет назад пообещал её в жёны оглану Тогаджи, оттого она считалась помолвленной. Так девушка и сказала Узбеку, когда, презрев осторожность и собственные строгие устои, которых придерживался неустанно, молодой царевич подкараулил девушку у юрты. Ни горячие уверения в любви, ни страстные поцелуи не сломили целомудренных намерений Шаджар, она решительно вырвалась из крепких объятий оглана и велела навсегда позабыть о ней.

Наутро девушку по её просьбе увезли в аил Тогаджи готовиться к свадьбе. А Узбека многие годы мучали мысли, что она предпочла ему своевольного до безрассудства мужчину, не блиставшего ничем среди множества джучидов и давно растерявшего влияние, табуны, людей и удел. Его любимая окунулась в омут бедствий и совсем ещё молодой покинула этот мир. Прекрасная Шаджар, забываемая Шаджар... Узбек узнал о её смерти, когда во дворец привезли осиротевшую Тулун. В тот час бика будто возвращала ему частичку себя, то, что отняла когда-то. Он рассердился, услышав, как переполошились женщины в гареме, не желая принимать девочку, они перечисляли имена родичей со стороны Саур-бека, к которым, как они считали, и следовало отвезти ребёнка. Гнев его остудила мудрая Баялун, она словно почувствовала настроение царственного супруга. Ханум вмешалась в спор крикуний и приказала принять Тулунбай, поселив её вместе с Нурбикой.

Хотел ли он отыскать в этой маленькой девочке прежнюю возлюбленную? Где-то в глубине души так и было, но, увы, повелитель не находил в подраставшей Тулунбай ни одной чёрточки её матери, хотя порой ему казалось... Но

разве он мог думать о чувствах, став ханом великого Улуса? И прежде каждый брак оглана Узбека должен был приносить выгоду на пути к возвышению, а достигнув трона Орды, он стал в этих вопросах особо щепетильным. Теперь следовало думать о том, принесёт ли очередной брачный союз пользу огромному государству, чьими потребностями и заботами он жил. Потому хан Узбек всегда держал дочь Шаджар на расстоянии и не собиравшись ничего менять в решении, которое однажды принял. А в этот раз, когда бика так сильно провинилась, он подумал, что пора бы подыскать ей мужа и отослать с глаз долой, чтобы не напоминала о любви, похороненной в недрах рассудительной души.

Повелитель очнулся от своих размышлений, когда услышал усиленное покашливание беклярибека Кутлуг-Темира, пытавшегося таким образом привлечь его внимание. Первейший из царедворцев только что закончил доклад о сборах налогов, а теперь напомнил о послах из Каира. Глава дивана не первый раз заговаривал о недовольстве мамлюков. Невесте султана давно было пора отправляться из Сарая, не дожидаясь осенней распутицы, которой часто сопутствовали жестокие холода.

Главный посол эмир Саифаддин Утуджи пребывал в полном недоумении, отчего задерживался выезд каравана, если прежде их торопили поскорее утрясти вопросы, связанные с этим делом. Помнилось, едва он прибыл в столицу Улуг Улуса, как его огорошили, объявив о желании хана Узбека безотлагательно заключить брак между предводителем династии Бахритов и сестрой повелителя – Нурбикой. А ведь было от чего растеряться каирцам, сватовство султана мамлюков давно превратилось в дело, затянутое на многие годы. В Каире о нём уже перестали вспоминать, и в это лето послов отправили решать накопившиеся торговые неурядицы. Эмиру Утуджи не поручали столь важный и ответственный вопрос, как женитьба

султана, но ему пришлось спешно заняться им.

Время меняет желания и предпочтения правителей. Если когда-то молодому, некрепко стоявшему на ногах ан-Насиру был необходим брак с ордынской маликой ради союза с могущественным государством, то ныне интересы обеих государей поменялись местами. Но как бы силен ни был мамлюкский султан, какие бы иные цели ни ставил перед собой, во избежание нанесения тяжкого оскорбления хану Великого Улуса, отказаться от прежних намерений он бы не посмел. В этом изворотливый Утуджи был уверен. Как и в своих догадках, отчего спесивые ордынские князья вдруг позабыли о недостаточности знатном происхождении повелителя Мамлюкского султаната. После недавних неудачных битв уже Великому Улусу потребовался крепкий союз с Каиром, дабы отобрать у Хулагидов закавказские земли. Брак посчитали лучшим началом для такого союза, да и предполагаемая невеста – любимая младшая сестра Узбека – достигла необходимого возраста. Династия Бахритов обрела достаточную силу и мощь, её уже не могли назвать недостойной рода Джучи. Вот и поставили султанского посла в ситуацию, из которой он не знал, как выбраться без ущерба для чести своего господина.

Но Утуджи и здесь управился, хотя опасался заглядывать в книгу записей убытков, к тому же сколько раз ещё предстояло доставать свой кошель. Он надеялся на скорое отбытие из Сарая, стремясь быстрее оказаться вдали от ненасытных ордынцев. Одному Аллаху было известно, как отнесётся султан к бесконечным и тягостным для каирской казны тратам. Оттого Утуджи торопил беклярибека Кутлуг-Темира, а узнав об очередной задержке, настаивал на немедленном возвращении посольства в Египет.

– Он полон решимости отбыть хоть завтра, повелитель. Даже если невеста султана не поедет с ними в этот раз.

Узбек выслушивал беклярибека, не

глядя на него, но при последних словах повернул голову.

– Этого нельзя допустить, эмир.

– Но Нурбика... Благодарение Всевышнему, сегодня тень Азраила отступила от неё, табибы ручаются за полное выздоровление, но произойдёт это не скоро, а впереди зимняя пора. Мы можем отправить ханику в Каир весной, а послы пусть отправляются с миром, не станем их задерживать и подвергать неизбежным опасностям пути.

Кутлуг-Темир немного приподнял брови, а следом за ними глаза, прежде смиренно опущенные в пол, хотелось проследить за реакцией господина, ведь он научился угадывать по малейшему колебанию мышц на лице хана его истинное настроение и мысли. Борода беклярибека, щедро присыпанная пеплом седины, всё ещё упиралась в грудь, но взгляд внимательно следил за повелителем, готовясь в любой момент вновь спрятаться за припухшими веками. Он примечал колебания Узбека, но не понимал их причины. Однако вознамеривался покончить с этим делом, не откладывая его на потом. Утуджи измучил его своими просьбами, да и была у главы дивана своя заинтересованность в быстром отбытии каравана, он отправлял с египетским посольством большую партию невольников. А тут такая досадная задержка.

Узбек между тем в задумчивости постукивал зажатым в ладони кнутовищем по колену. Он собрался на конную прогулку, но Кутлуг-Темир задержал его. Хан отошёл к окну, во дворе нукеры терпеливо ожидали его, они могли так простоять весь день, пока не поступит иного указания. Он с первого дня восшествия на престол стремился к тому, чтобы не было во всей огромной империи того, кто не подчинялся ему, чтобы любое решение господина не оспаривалось. Подспудно готовился к самому важному шагу для себя – к действиям, которые должны были заставить многочисленных подданных оставить Тенгри и обратиться в мусульманскую веру. Повелитель сам не так давно стал право-

верным мусульманином, принял ислам от потомка Баб Арслана Занги-Аты и его преемника Сеид-Аты. Узбек давно шёл по этому пути, теперь настаивал черёд призвать к крутым переменам владельцев улусов. А они, предчувствуя его намерения, не просто упрямылись, всё чаще он слышал ропот недовольства в рядах влиятельных эмиров. Многочисленные же сородичи, славящиеся принадлежностью к дому чингизидову, открыто осуждали его желание, не хотели расставаться с Тенгри. Неодобрение огланов, царевичей одного с ним рода перерастало в нечто большее. Соглядатаи докладывали о зреющем заговоре против него, но, несмотря на нависшую опасность, Узбек не хотел отступать, втайне он готовился к решительным действиям. Всех злоумышленников хан имел права лишить жизни, как только они выступят против него, не беря в расчёт высокие титулы и родственные связи. Но пока приходилось дожидаться подходящего момента.

Узбек привык твёрдо и бесповоротно решать подобные дела, вскрывать нарывы, не позволяя им окончательно вызреть и навредить. Придёт время, вскрыет и эту болячку. Но ныне брак его сестры с египетским султаном, в котором он прежде видел так много преимуществ, неожиданно превратился в такой вот нарыв. Несмотря на необходимость союза с мамлюками, и на то, что ещё вчера он хотел совершить этот брак, сегодня Узбек опасался отправлять свою любимицу в далёкий Каир. Но как разорвать договор, ради которого предприняли столько шагов? Хан не придумал объяснения и оттого произнёс лишь половину того, что лежало на душе:

– Ты же знаешь, эмир, как обстоят дела? Моя Нурбика всё ещё слаба. Она едва выжила, а такая дальняя дорога может убить ханику.

Кутлуг-Темир вдруг решился предложить неслыханное. Эта мысль мелькнула в его голове сегодня утром, а изощрённый в многочисленных интригах ум подсказал дальнейший ход действий.

– Повелитель, не сочтите за дерзость, но из создавшегося положения мы можем выйти, не уронив чести и не нарушив договора с мамлюками.

– Говори, эмир.

– Мы могли бы отправить в Каир другую девушку. А Нурбика пусть останется подле вас.

Узбек обернулся, брови изогнулись, стянули складку недоумения на переносице, вопрос так и рвался с его чётко очерченных губ, но не вырвался наружу. Хан ожидал, что его беклярибек скажет дальше, и Кутлуг-Темир не стал задерживаться.

– Отдайте ту, кого вам не жаль, повелитель. Послам была обещана девушка из ханского рода, а будет это Нурбика или кто-то ещё...

Глаза хана блеснули, он встрепнулся, отошёл от окна, взирая на главу дивана с надеждой:

– Кого же послать султану, мой эмир?

Старый беклярибек с ответом не затянул, давно приметил, кто в гареме господина оказался залётной птицей, так и не прижившейся во дворце. К тому же девчонка успела провиниться, нанеся вред самой Нурбике. Станет ли господин держаться за негодницу?

– Отдайте ему Тулунбай, повелитель.

Узбек замер, смотрел на Кутлуг-Темира, не моргая, и тот невольно вытянулся в струнку, хотя спина, отягощённая годами, тянула сгорбить плечи. А ведь на эти плечи какой только ответственности не ложилось. Прибавилось с тех пор, как вместе с госпожой Баялун они одержали победу, устранив законного наследника Илбасмыша, сына прежнего повелителя. Вдвоём с ханом возвели на престол Орды Узбека, придившегося покойному хану Тохте племянником. Баялун, хоть и была самой почитаемой женой у покойного хана Тохты, но тайно любила царевича Узбека. Уже немолодая, терявшая прежнюю привлекательность женщина решила на участие в заговоре ради него. И своё вознаграждение она полу-

чила сполна, Узбек женился на Баялун, сделал старшей госпожой в гареме. А Кутлуг-Темир получил пост беклярибека – второго лица в государстве. Узбек чувствовал себя обязанным за своё возвышение, но ведь всякая обязанность рано или поздно становится бременем.

Дальновидный беклярибек помнил об этом, потому старался не переступить порога почитительности, но стремился оставаться незаменимым, как и в этом случае. Однако совет выдать Тулунбай замуж за ан-Насира вместо Нурбики мог быть воспринят повелителем неоднозначно. Царедворец рисковал нарваться на недовольство, а то и на гнев Узбека. Ведь как можно равнять прекрасную ханику, усладу глаз правителя Орды, с дочерью Тогаджи, которого повелитель считал самым недостойным членом их высокого рода. Только получалось, что в глазах египетских послов и самого каирского правителя беклярибек невольно равнял девушек, предлагая султану вместо одной невесты другую. Затянувшееся молчание Узбека обеспокоило Кутлуг-Темира, и он выдохнул с облегчением, когда хан произнёс, наконец:

– Пусть так и будет, беклярибек. Сообщите эмиру Утуджи, что на новолуние он может отбыть в Каир с невестой его господина. И позаботьтесь о том, чтобы проводы Тулунбай были достойны девушки ханского рода. С ней отправятся все эмиры, кого мы намеревались отправить в Египет вместе с Нурбикой. Пусть свадебный караван ни в чём не уступает по величине и роскоши тому, какой мы пожелали собрать для моей сестры. К тому же Тулунбай тоже моя сестра, хотя и не такая близкая, как моя милая Нурбика. Ан-Насир должен увидеть весь блеск и могущество нашего Улуса, понять, какую девушку мы посылаем ему в супруги.

Кутлуг-Темир склонил голову понижее, подчёркивая почтение государю, с кем отождествлялась ныне Орда, и поспешил удалиться, ведь столько не терпящих отлагательств дел оказалось

возложено на его плечи. А у Узбека пропала всякая охота до прогулок. Он раздал множество поручений управляющему дворца, прежде чем повелел привести к себе Тулунбай.

* * *

Она вошла едва дыша. Минуло несколько дней, прежде чем хан пожелал прервать её заточение. Тулун от воинственных намерений сбежать через окно, а то и вовсе покинуть Сарай вместе с преданным Аланом, перешла к отчаянным мыслям. Ей виделась ужасающая расплата за неразумный проступок, и чем дольше Узбек тянул с наказанием, тем страшней становилось. Какой бы отвагой и решимостью она ни обладала, но мучительное затворничество сделало своё дело. Перед господином предстала испуганная робкая девочка, так похожая на малышку, которую несколько лет назад привезли в Сарай.

Повелителю вдруг подумалось, как быстро исполняется его намерение отправить дочь Шаджар подальше от себя. И эта сирота, некогда с яростными перебранками принятая в ханскую семью, ныне спасёт его лицо и милую сердцу Нурбику. Улуг Улус отдаст предводителю мамлюков росток из великого рода, пусть и захудалый в глазах джучидов, но султан удовольствуется и этим!

С самого начала Узбек не хотел оставлять дочери Тогаджи ни одной возможности отказаться и отступить, потому заговорил сурово и резко:

– Сестра всех нас беспокоит, она до сих пор больна! Одному Аллаху ведомо, как долго продлится её недомогание, но мы понимаем, Нурбика не может отправиться в путь. Всё, что предпринималось для её брака с султаном мамлюков, отложено. Бывают такие ошибки, бика, из-за которых страдают много людей, но куда страшней, если опасности подвергается государство!

Узбек заставил себя взглянуть на сникшую фигурку, закутанную в невзрачное покрывало. Хотелось убедить

самого себя в правоте Кутлуг-Темира, ему вовсе не жаль Тулун, и он не чувствовал угрызений совести, не должен был их испытывать. Разве для дочери Тогаджи этот брак не станет взлётом? Такого ей не достичь никаким другим браком! Что Тулунбай смогли бы предложить во дворце? Выбрать в мужа улусного бека, не владеющего и частью территорий, какими ныне обладает султан ан-Насир. Тулун – незаметная, ничтожная тень Нурбики – внезапно выйдет на просторы могущества. Так пусть же будет счастлива таким поворотом судьбы!

– Никогда не смог бы простить себя, подвергнув сестру тяжким испытаниям. Но Нурбику затаяет в омут бедствий, стоит ей, такой слабой и больной, покинуть постель и наш дворец. Однако отказать от обязательств, не отправить в Каир невесту для султана, невозможно. Как же поступить мне, государю, который должен держать слово и думать о благе Улуса? И я принял решение: будущая жена султана отправится к берегам Нила в начале месяца раджаб*, – продолжил Узбек, строго глядя на трепещущую девушку.

Тулунбай казалось, что град обвинений никогда не перестанет сыпаться на её несчастную голову, каждое слово повелителя превращалось в упрёк, ранивший и без того казнившую себя душу. Она мысленно ужасалась судьбе бедняжки Нурбики, которой придётся уехать из родного дома в таком состоянии, потому не сразу осознала, к чему ведёт свою речь повелитель.

– Я вынес решение, – повторил хан и добавил, – в Каир вместо моей сестры отправишься ты, дочь оглана Тогаджи!

Тулун всё ещё стояла посреди покоев господина с опущенной головой, пока смысл сказанного Узбеком не дошёл до её затуманенного раскаянием сознания.

* Начало месяца раджаб в 719 году хиджры приходился на конец лета 1319 года.

Она вскинулась, вспыхнула как порох, в отчаянии выкрикнув:

– Нет! Так нельзя!

Хан нахмурился, шагнул к ней и больно стиснул хрупкие девичьи плечи.

– Ты ещё смеешь возражать, не подчиняться моему приказу?!

Она отчаянно затрясла головой, лёгкое покрывало скатилось с головы, открыв гладко зачёсанные и старательно заплетённые в косы блестящие чёрные волосы. Косы доходили почти до пят, и у Шаджар они были такими же, но, пожалуй, только этим Тулунбай походила на мать. В остальном он не видел сходства. Всевышний наградил девушку иссиня-чёрными раскосыми глазами, но не такими большими и бездонными как у Шаджар, а вот кожа светлая и бархатистая, словно золотистый персик. Отчего во дворце никто не считал Тулунбай красавицей, или взоры заслоняла яркая внешность Нурбики? И всё же сейчас показалось, что не Тулун, а сама Шаджар с мольбой глядела на Узбека. Он очнулся от невольного помутнения, когда девушка вновь заговорила:

– Простите меня, повелитель, но Нурбика так желала этого брака. Она хотела стать женой султана и много раз говорила мне об этом. Она возненавидит меня, а я...

Больше всего на свете бике хотелось закричать, что она не хочет покидать Сарай и хана Узбека. Пусть он гневается, кричит, но она не в силах лишиться возможности видеть его хоть иногда. Но повелитель резко оборвал её возражения:

– Моя сестра уже не желает этого брака и не хочет покидать дворец.

Он заложил руки за спину, но не отошёл, смотрел, пронизывая насквозь яростным блеском глаз, в которых в моменты гнева цвет солнечного янтаря темнел и превращался в грозное небо.

– Не смей отговариваться словами, которыми когда-то делилась моя сестра! Она облакала тебя своим доверием, а ты едва не погубила ханику!

Тулун вновь не могла унять дрожь, в который раз она умирала, когда тот,

кого в тайне называла любимым, выплёскивал ненависть на её голову. Даже если эта голова была повинна, тяжело признать, что Узбек презирает и не может простить из-за проступка, о котором давно следовало позабыть. Жалобный всхлип, как бы дочь оглана его не сдерживала, вырвался на волю, и остановил неистовый выплеск хана. Узбек вдруг замолчал, а потом обнял её, не стиснул грубо – притянул с неожиданной нежностью и заговорил по-иному:

– Тебе придётся уехать из Орды, бика, смирись же и подумай обо всех преимуществах. Этот брак возвысит тебя, Тулун, сделает сильной и могущественной, если поведёшь себя, как подобает женщине из великого рода. В Каире ты станешь лицом Улуса, частичкой Сарая и нашей необъятной степи. Ты заменишь сотни тысяч наших отважных багатуров, мой диван и семью, мои руки и глаза.

Страх покинул её, тело перестало трясти, тёплые волны накатывали одна за другой, слабели ноги, она прижималась к груди мужчины, забывая обо всём. Ради этих мгновений Тулун готова была согласиться с любым решением повелителя. От избытка переполнявших её чувств на глаза навернулись сладостные и успокаивающие слёзы. Ах, если бы Узбек всегда был так ласков с ней, счастливее её не нашлось бы никого во всём свете.

Мужчина разжал свои объятья быстрой, чем Тулунбай этого хотелось, устроился на тахте, привычно выставив вперёд ногу в ичиге из цветных кож и откинув с колена широкую полу парчового кафтана. Она зацепилась взглядом за дорогую материю его наряда, на котором малахитовые узоры соперничали с серебром. Её любимый был безупречен во всём, ни у одного из вельмож дворца она не находила столь совершенного вкуса, когда роскошь одеяния не выпячивала себя, а лишь служила дополнением к дарованной Аллахом красоте владельца.

– Помни о доверии, оказанном тебе, дочь Тогаджи. Пока ступай к себе. Бек-

лярибек Кутлуг-Темир навестит вскоре и сообщит все подробности. Он подскажет и научит, как следует держаться, чтобы не уронить ханскую честь. Помни о том, что я сказал.

Она кивнула благодарно, попятилась к двери, всё ещё не выпуская из виду его суровое, но такое красивое, мужественное лицо в обрамлении каштановой шелковистой бородки. Уже в коридоре скрестила руки на груди, прижала их крепко, стремясь сохранить тепло недавнего объятия. Она надеялась на множество таких встреч, ведь её не отправят без достойного приданного и необходимых приготовлений. А пока всё это будет собираться, минует не один месяц. Повелитель Орды не сможет пренебрегать невестой египетского султана, ведь у неё возникнет сотня вопросов, и тогда она будет видеться с Узбеком так часто, как только пожелает. Тулунбай уже находила множество преимуществ в новом статусе. То, что вокруг неё всё менялось, как по волшебству, она заметила сразу, ведь даже посланный ей в наказание невыносимый страж – главный евнух, уже прознав о возвышении, низко склонился перед недавней узницей.

* * *

Сундуки с приданым доставили в маленькую комнатку куда быстрее, чем думалось Тулунбай. Она едва успела позавтракать, а слуги уже явились один за другим, сгибаясь под тяжестью своей ноши. И вскоре всё оказалось заставленным большими кожаными сундуками с одеждой, посудой и различной утварью. Тулун радовалась, как ребёнок, поднимала крышку за крышкой, разглядывала изящные безделушки и вещицы, призванные украсить быт знатной госпожи, щупала и приподнимала гладкие шелка, нежный и невесомый муслин, узорчатую парчу, тёплые и мягкие меха. Ахнула, когда невольницы доставили шкатулки с драгоценностями. До сих пор такие роскошные браслеты, чулпы, ожерелья и перстни она видела только

на жёнах хана Узбека. Не выдержав, Тулунбай достала серебристый длинный кафтан, отороченный белоснежным мехом, и примерила роскошный наряд. Из украшений выбрала длинные, звенящие золотыми подвесками чулпы с жемчугами и замерла у зеркала. Такой красивой дочь эмира Тогаджи себя никогда не видела. Словно не доверяя собственному отображению, она дотронулась до лица. В сиянии золота и жемчугов, в обрамлении белого меха, казалось, даже кожа засветилась, а глаза заблестали пуще чёрных алмазов. «Вот увидел бы меня такой хан Узбек, и тогда не смог бы отпустить в Каир», – так подумалось Тулун, пока она любовалась в зеркале этой едва узнаваемой красавицей. Дерзкую мысль отправиться к повелителю, не откладывая визит на потом, оборвали мастерицы, явившиеся, чтобы заняться подгонкой одежды под их новую владелицу. Ведь все кафтаны, длинные шелковые рубахи, шаровары и жилеты шились для Нурбики. В спешке и суматохе, которую устроили невольницы, Тулун не сразу заметила приход беклярибека.

А Кутлуг-Темир с порога внимательно разглядывал дочь оглана. Он хорошо помнил её угловатой девочкой, вышагивающей вслед за Нурбикой. Она всегда будто бы пряталась за спиной всеобщей любимицы, но при этом выпрямлялась так, словно кол вставляла в собственный хребет. И взгляд становился вызывающим. Тулун словно говорила всем: «Только попробуйте меня унижить, сказать, что я недостойна ни этого дворца, ни принадлежности к ханскому роду». Скорей всего этой независимостью и гордостью она приглянулась госпоже Баялун, и ханум попросила супруга оставить девочку в Сарае. Но после о малышке позабыли. Баялун часто болела, чахла, ей было не до чужого ребёнка, другие же женщины ханского семейства предпочитали заниматься своими детьми. Дочь Тогаджи не баловали, не ласкали, никто её не хвалил, хотя в учёбе она преуспевала больше других. Вскоре девочка вовсе сделалась прижи-

валкой при ханике, которая по знатности рода не превосходила саму Тулун, отличие заключалось лишь в том, что родной брат Нурбики стал повелителем Орды, а отцом бики был один их многочисленных царевичей, не добившийся успеха ни на военном поприще, ни в приобретении богатых уделов. Судьба так устроила, что с полученным титулом «ханика» Нурбика взлетела вверх, а Тулун осталась внизу невзрачной птичкой на ветвях могучего дерева чингизидов.

Предложив Узбеку отправить в Каир дочь Тогаджи, беклярибек стремился угодить господину, оставив подле него сестру, с которой повелитель не пожелал расставаться. Но невольно он помог Тулунбай и сравнял её с Нурбикой. Результаты возвышения виделись во всём. Что ж, тем легче будет наставлять счастлицу, отправлявшуюся ко двору египетского султана.

Беклярибек вступил в покои Тулунбай, хотя сделать это с неторопливым достоинством было нелегко из-за тесноты маленькой комнаты. Он ушиб ногу о внушительный сундук, столкнулся с суетливой невольницей, и, наконец, осерчав, подал знак прислужницам немедленно удалиться. Они послушались, но, протискиваясь мимо грозного царедворца, то и дело рисковали отдавить больную ногу старика. Кутлуг-Темир уже трижды проклял затею вести беседу с девушкой в её покоях. Кто только распорядился наградить биму столь крохотным помещением, которое и для чулана не годится. Досада прибавилась, когда поймал брошенный украдкой взгляд Тулунбай. Девушка с трудом удерживала себя от желания посмеяться над его трудностями, но стоило ему повернуть голову, смиренно потупилась. И вот со вздохом облегчения, вытолкнув последнюю невольницу за двери, беклярибек расправил плечи.

– Мы должны обсудить ваш отъезд, госпожа.

Кутлуг-Темир заметил, как заалели скуластые щёчки Тулун при его почтительном обращении, эмиры из высшего совета страны никогда не обращались

так к ней. Но в это утро всё переменялось, невесте египетского султана, отправляемой в Каир Улуг Улусом, следовало привыкать к приятным новшествам. Он вынудил себя склонить голову:

– Мы можем побеседовать в саду, бика? Эта комната совсем неподходящее место. Уверен, наш повелитель поселил бы вас в других покоях, будь у него на это время. Но вы отправитесь в путь на новолуние.

– На новолуние?! – от изумления Тулунбай дёрнула ожерелье, которое до того сжимала в руках, и так сильно, что едва не порвала его.

А спустя минуту будто онемела. Конечно, повелитель что-то говорил о намерении отправить караван в начале раджаба, но у неё эти слова вылетели из головы. Тулун надеялась, что сборы продлятся не один месяц, а оказалось, её удаляли из Сарая с такой поспешностью, будто стремились избавиться.

– Я не ожидала, что отъезд так близок. Столько дел наметила. И успеют ли собрать меня в дорогу? Мне говорили, в свадебном караване поедет много сопровождающих – беки и мурзы с жёнами и слугами, а ещё торговцы. Разве все смогут собраться так скоро?

Девушка, пытаясь убедить его, цеплялась за любой повод в надежде заставить беклярибека задуматься о неразумности спешки в столь большом и важном путешествии. Разве она не права, разве рассуждает не здраво? Но у Кутлуг-Темира на всё нашёлся ответ:

– Они давно готовились к этой дороге, госпожа, напротив, переживали, что дело затягивается, ведь вот-вот наступят холода. Вам и так достанутся трудности пути, к чему дожидаться, когда полетят белые мухи? Прошу вас, госпожа Тулунбай, прогуляемся по саду, пусть невольницы займутся вашими нарядами, а нам есть о чём поговорить.

Она приняла его приглашение, хотя слова протеста рвались с губ, ей хотелось найти ещё тысячу возражений, из-за чего её отъезд должен был задержаться.

Пока они проходили по коридору, ведущему в сад, Тулунбай вполне овладела собой. Чему-чему, а выдержке она в этом дворце выучилась. На дорожку, выложенную узорными плитами, ступила, успокоившись, даже смогла улыбнуться, взглянув на Кутлуг-Темира.

– С благодарностью выслушаю все ваши наставления, эмир, повелитель предупредил меня о нашей беседе. Кто, как не вы, великий беклярибек, знающий и ведающий всё и обо всех, сможете дать мне сотню важных советов?

– Об этом и просил меня наш хан, госпожа, наставить, как вам нужно вести себя, прибыв в Каир. Султан должен с первого дня понять, какую жемчужину ему доставили. Ни одна женщина в его гареме не сравнится по знатности и важности с девушкой из рода Джучи, пусть помнит, какую милость ему оказывает Великая Орда! Улус ещё не видал такого огромного каравана, который отправится в путь: сотня эмиров, беков и мурз, тысяча торговцев и десять тысяч невольников и невольниц.

Беклярибек размеры каравана намеренно преувеличил, привик о таком количестве заявлять каирским послам, посчитал, что и перед будущей женой султана следует распушить хвост своего красноречия.

– Пусть мамлюки посмотрят, как мы сильны и могущественны! А вы, госпожа, вы в обрамлении всего этого великолепия будете подобны сияющей звезде! Ан-Насир склонит голову перед вами, Тулунбай, и вы добьётесь не только уважения, но и настоящей власти в этой далёкой от нас стране. Мамлюки необходимы нам, как преданные союзники.

Тулун в замешательстве молчала, её немного напугали не столько возлагаемые на неё надежды, сколько осознание того, как скоро ей предстоит вступить в брак с султаном. Чужой, незнакомый мужчина станет делить с ней ложе, а она должна покорить его своей родовитостью?

Хриплый язвительный смех за их спинами заставил обоих обернуться.

На дорожке стояла Баялун, её свита почтительно замерла в стороне. Кутлуг-Темир торопливо скрестил руки на груди, приветствуя уважительным жестом старшую госпожу:

– Ханум, простите, мы не знали, что сегодня вы вышли из своих покоев.

И Тулунбай поторопилась склониться перед своей доброй покровительницей. Баялун, опираясь на руку невольницы, выглядела гораздо бодрей, чем прежде. А ведь в последние месяцы во дворце шептались о её скорой кончине, так плоха она была.

– Вы, мой дорогой беклярибек, конечно же, лучше всех знаете, к чему стремятся женщины из великого рода, – заговорила ханум в своей обычной, насмешливой манере, давая понять, что слышала их разговор. – Но оставьте мне обязанность рассказать юной девушке, как ей добиться власти над султаном. Опасаюсь, что одной лишь знатностью сердцем мужчины не овладеть.

– Ваша мудрость, ханум, в силах напитать познаниями любого подданного нашего повелителя. Я оставляю на вас госпожу Тулунбай с лёгким сердцем и прошу разрешения удалиться.

Баялун благосклонно кивнула, и Кутлуг-Темир покинул их.

И раньше Тулун слегка побаивалась эту измождённую женщину, некогда красивую, но поблёкшую под грузом болезней и возраста. На её исхудавшем лице жили лишь чёрные, как уголья, глаза. Вот и сейчас они пронзали девушку насквозь.

– Давно не видела тебя, Тулун, как ты поживала всё это время?

– Благодарю, моя великодушная ханум, – еле слышно отвечала дочь Тогаджи. – Мне не на что жаловаться.

Старшая жена хмыкнула недоверчиво:

– Тебе всегда было не на что жаловаться, дочь оглана. Ни тогда, когда носила обноски Нурбики, ни когда твою комнату плохо протапливали и забывали покормить ужином. Но ныне, Тулунбай, ты, похоже, ухватила за хвост волшебную птицу. А она в силах ода-

рить тебя всем, чем пожелаешь. Если будешь умницей, султан не только родом твоим станет гордиться, овладеешь его сердцем и душой, милая моя девочка, тогда и я буду счастлива. А пока позабочусь-ка о твоём приданом.

Тулун оторопела. К ласковым словам она была непривычна, а тут такая забота от самой ханум. Поблагодарила торопливо, но посчитала обвинение несправедливым, потому добавила:

– Повелитель позаботился, госпожа, велел передать мне одежды, приготовленные для Нурбики.

Баялун фыркнула сердито:

– Опять станешь донашивать за сестрицей?

Дочь Тогаджи смутилась ещё больше, хотела оправдать Узбека, сказать, что наряды все новые и красивые, но язык не повернулся возражать. Госпожа и не думала её выслушивать, приказала идти за ней. Тулунбай поспешила подчиниться, а следом поплыла вся свита ханум.

В роскошных покоях, стоило ханше раздать указания, тут же воцарилась суматоха. Невольницы раскрывали сундуки, доставая один за другим свёртки тканей. Баялун рассматривала их придирчиво, немногие понравившиеся откладывала, требовала принести ещё. А когда не удовлетворилась и этим, приказала оповестить главного доставщика гарема.

– Пусть придут торговцы тканями, хочу видеть самое лучшее, что только возможно найти в Сарае. Девушка из ханского рода должна блистать, как золотой слиток, пусть ослепит мамлюка с первого же мгновения, пусть он запомнит это сияние, которое несёт в Каир ордынская принцесса!

Тулунбай только успевала поворачиваться, когда мастерицы обращивали её самыми дорогими тканями, смотрели, что ей к лицу, спорили, где следует быть вышивке, а где россыпи камней.

– Времени у вас не так много, – охладил пыл их воображения Баялун, – наряды должны быть готовы за пять дней.

Швеи переглянулись, но кто посмеет перечить госпоже, поклонились и взялись за работу с удвоенным усердием.

* * *

Дочь Тогаджи утомилась так, что едва перешагнула порог своей комнаты, как без сил упала на постель. Но не успела прикрыть глаза, услышала шелест мягко распахнувшихся дверей, не иначе за какой-то надобностью явилась прислужница. Невольницы ныне делают её покои своей обителью, станут снова туда-сюда, спеша исполнить приказание старшей госпожи, стоит ли обращать на них внимание? Тулун повернулась на бок, потянула на себя край покрывала в намерении подремать, но вдруг ощутила запах сандала, этим ароматом окуривали покои хана, и одежды Узбека пропитывались им насквозь. Распахнула глаза и поначалу увидела парчовый кафтан бирюзового цвета с фейерверком серебристых нитей, а лишь после – его обладателя, возвышавшегося над ней. Она поспешила подняться, но из-за тесноты заставленных сундуками покоев чуть не столкнулась с Узбеком и пролепетала, смутившись:

– Повелитель, простите...

Хан рассматривал её, заметно изменившуюся с сегодняшнего утра, с нескрываемым интересом. Заложенные за спину руки навстречу не протянул, но и не сразу отступил.

– Ты похорошела, Тулун.

Голос изменил ей, она не смогла произнести ни звука, лишь еле различимый вздох вырвался из приоткрытых губ. Трепещущие веки вновь прикрыли глаза, чего она ожидала в это мгновение? Его прикосновения, а может, чего-то невозможного и смелого поцелуя? Ах, каким мучительным показалось это долгое мгновение! Но Узбек никогда не делал того, что претило чистоте его помыслов, отодвинулся в сторону. Если бы размеры маленькой комнаты, заставленной суфой и сундуками, позволило, он отошёл бы как можно дальше.

– Мне доложили, госпожа Баялун взялась за твои сборы в дорогу?

Тулунбай обиженно поджала губы. Почему повелителю всегда удавалось оборвать её мечтания, показать их беспочвенность? Нечего лелеять надежду на несбыточное! Баялун сказала, что она поймала птицу удачи, разве можно не доверять словам мудрой госпожи? Ей следует думать не о губах Узбека, ни о его руках, а о будущем муже, который, как уверяли послы, весьма привлекательный и не старый мужчина. Пожалуй, впервые Тулун вспомнился образ, отражённый в воде родника Ахмеда, – цепкий взгляд, суровое лицо, – и тело охватила неприятная дрожь.

Хан её молчание оценил по-своему:

– Тебе не понравилось вмешательство госпожи?

Девушка, очнувшись, торопливо замотала головой:

– Как можно, повелитель, ханум так добра ко мне. Если она взяла на себя обязанность собрать меня в дальний путь, я могу испытывать лишь благодарность! Она обещала научить меня всем тонкостям, как нужно вести себя с султаном, как завоевать его сердце и...

Бика осеклась, покраснела. Как она смогла заговорить о подобном с Узбеком? Перед ней стоит не только хан и брат, а мужчина, о котором она столько мечтала. Хотела заронить искру ревности? Но большей глупости и придумать нельзя. Повелитель сам пожелал отдать её в жёны ан-Насиру, ему Нурбика в тысячу раз дороже, родную сестру от своего сердца не может оторвать, а вот надоевшую дочку Тогаджи хоть завтра отошлёт.

– Отнесись со всем вниманием к наставлениям ханум, но и поучения беклярибека не забывай. О султанате он знает не понаслышке. Мне будет спокойнее, если ты будешь знать обо всех тонкостях.

Тулунбай кивнула согласно, но стоило хану собратиться уходить, ухватилась за возможность обратиться к нему с просьбой. Чем увлекаться пустыми меч-

тами, лучше попросить о том, что все эти дни мучило её.

– Повелитель, позвольте мне увидеться с Нурбикой! Я хочу её навестить, попросить прощения. Мы ведь расстанемся навсегда, голос сестры до меня даже птицей не долетит. С каким сердцем мне уезжать, мой господин, если не буду знать, что ханика не держит на меня зла?

Узбек свёл воедино строгие брови, он не привык менять собственных приказов, но девушка так молила, не следовало ли вознаградить её за покорность, с какой она приняла его решение, и позволить дочери Тогаджи эту малость.

– Навести её завтра, Тулун. Нурбика и сама о тебе спрашивала. Но не утомляй ханику, не забывай о её состоянии.

Радость захлестнула бика, не в силах скрыть её, она торопливо поцеловала руки хана. От прикосновения нежных и мягких губ девушки дрожь пробежала по телу мужчины. Она словно испытывала его на прочность, поначалу преобразившись так, что стала напоминать незабвенную Шаджар, а теперь и этим проявлением благодарности. Он почувствовал необходимость резко оборвать интимное сближение, толкавшее к запретным соблазнам, потому прощальные слова уподобились пощёчине:

– И помни: ханум Баялун не ради благодарности тобой занялась, она печётся о нашем роде. Если принадлежишь к великому роду, будь его достойна, не урони нашу честь и достоинство. Не опозорь!

Повелитель больше не произнёс ни слова, не взглянув, удалился так же неожиданно, как и появился. А Тулун ощутила, как слёзы брызнули сами собой, намочив щёки. Узбек не оставил её в лучезарном состоянии, напомнил о положении, в котором бика находилась все эти годы. Не пожалел ли повелитель об уступке, поспешив указать дочери Тогаджи на истинное место? Разве стал бы повелитель давать подобные напутствия своей любимой сестре? Нурбика в их глазах уже родилась с чувством

превосходства над другими, а ей, Тулун, нужно втолковывать в который раз, как в далёкой стране нужно вести себя с султаном и его подданными. Она для него глупая и никчёмная простушка, лишь бледное отражение блистательной сестрицы. Во дворце все привыкли относиться к ней с пренебрежением, и лишь потому, что сам повелитель позволял это.

Бика никак не могла успокоиться, обида душила, комом вставала в горле. Первым порывом было не пойти к Нурбике, позабыть о выпрошенном позволении. Разве у неё недостаточно важных дел? Разве ей вскоре не предстоит отправиться в далёкий путь к новой жизни, где никто не станет смотреть на неё, как на подделку? Но сколько ни копайся, вины Нурбики в пренебрежительном отношении повелителя не отыщешь. Сестра относилась к ней по иному, хотя порой ханику и заносило, но никогда она не презирала Тулун, даже привязалась к ней. И пусть весь мир с безразличием отворачивается от неё, но она сама не станет отвечать общей любимице тем же и пойдёт к Нурбике, чтобы увидеться в последний раз и проститься.

Любимую сестру Узбека бика отыскала в саду. Табибы позволили своей подопечной немного посидеть в беседке, насладиться свежим воздухом и теплом последних летних дней. Но Нурбика превысила разрешённое ими и медленно прогуливалась вдоль дорожек. Тулунбай не удивилась взорам ханики, которые та украдкой бросала в сторону конюшни. Около длинного приземистого здания как обычно суетились невольники, в чьи обязанности входил уход за лошадьми. Среди них мог оказаться Алан, и кого же ещё, как не нукера, могли выискивать прекрасные глаза девушки? Дочь Тогаджи не могла удержаться от шуток на собственную догадку:

– Ах, Нурбика, ты уже настолько окрепла, что выбираешь себя коня для прогулки?

– Тулун!

Ханика даже руками всплеснула от

неожиданности, но тут же бросилась с объятьями к своей сестре.

– Я думала, что больше не увижу тебя. Брат так сердился, обещал отослать тебя прочь.

– Он исполнил обещание, моя дорогая Нурбика. Отсылает и очень далеко.

Ханика оторвалась от её груди, вздохнула удручённо.

– Мне рассказали, Тулун. Ждёшь моего удивления? Но я о султানে не хочу думать. По правде сказать, это ведь ты увидела ан-Насира в зеркале родника святого Ахмеда, он – твоя судьба. А я...

– А ты мечтаешь о том, кто может находиться за стенами той конюшни, – хихикнула Тулунбай.

– Тише! – Нурбика вцепилась в её руку, даже ногти запустила, заставив бика охнуть от боли. – Ты сумасшедшая? Хочешь, чтобы кто-то услышал?

Она потянула дочь оглана за собой, а после втокнула в беседку. Это убежище, густо заросшее лианами, могло показаться надёжным, но его стены были непроницаемы лишь для глаз, а не для любопытствующих ушей, потому сестра повелителя, ещё не войдя внутрь, строго приказала евнуху:

– Озгуль-ага, оставьте нас наедине и не позволяйте никому приближаться.

– Нурбика! Ты мне чуть рукав не оторвала, – возмутилась Тулунбай, рассматривая помятый наряд.

Золотая вышивка, вившаяся от плеча до широкого манжета кафтана, слегка пострадала при грубом обращении, но госпожа и не подумала извиниться.

– Я бы языка тебя лишила, не поленилась! Мы только что гнев нашего господина пережили, а ты хочешь хвоста в огонь подбросить?

– Да ты сама огонь, Нурбика! Поджигаешь всё вокруг. Если не пожелала б в ту ночь идти к роднику, не настаивала, не случилось бы ничего. Уже завтра твой путь лежал бы в Каир.

Ханика нахмурилась, упёрла руки в бока.

– И на что ты жалуешься, дочь Тогаджи? На бурю, что разыгралась? Но тебя этим вихрем на самый гребень закину-

ло, туда, куда никогда бы не добралась. Или сожалеешь о предстоящем браке, хочешь отказаться от могущественного султана мамлюков?

Тулунбай в досаде притопнула ногой. Кто бы мог подумать, ведь когда шла поговорить с подругой по душам и попрощаться с ней, не предполагала, что они станут ругаться и упрекать друг друга? Нурбика тоже разозлилась, отвернулась, не желая больше говорить. И Тулун поджала губы, решая уйти ли ей прямо сейчас или задержаться, высказав все таимые обиды. Только поймёт ли всеобщая любимица, услада глаз всего семейства во главе с повелителем, как нелегко дочери оглана жилось во дворце?

– Ах, Нурбика, – еле слышно шепнула Тулунбай.

Сколько лет они провели вместе, не различаясь ни на день, сколько тайн поверяли друг другу, вместе предавались мечтам, проводили время на занятиях со строгими учителями, а больше в забавах и шалостях. Всё останется позади, в этом мире им придётся научиться жить поодиночке, не видеть ставшего таким близким лица подруги. Так разве в памяти должна всплывать последняя встреча, когда рассерженные и обиженные, они стоят, отвернувшись в разные стороны. Всё это вместили в себя горестный вздох Тулун. И ханика тоже не выдержала, через мгновение они крепко обнялись. Встань сейчас перед ними сам повелитель, строго оклики, но даже он не разомкнул бы этих неистовых объятий.

Евнух с табибом, приставленные, чтобы следовать за юной госпожой, обеспокоились, поспешили было к ним, но Нурбика остановила их властным движением руки.

– Я приказала не приближаться, аги! Не вмешивайтесь, мне нужно поговорить с сестрой.

Седобородый целитель хотел возразить, напомнить о необходимости соблюдать покой, но осёкся под яростным взглядом своей подопечной. Когда сестра хана Узбека гневалась, то ста-

новилась похожей на брата-повелителя. А от такой грозы благоразумней держаться подальше. С поклонами слуги удалились на соседнюю дорожку, не выпуская, однако, из виду госпожу. Переглянувшись, кивнули друг другу. Однако лекарь не удержался от жалобы:

– Озгуль-ага, отчего Нурбика во всём потакает Тулунбай, ведь от неё одни беды? Ханика только поднялась с постели, с такими трудами мы победили её недуг, но любого расстройства довольно, чтобы она вновь слегла. С кого тогда спросят, а?!

Евнух, выслушивая табиба, с пониманием вздыхал.

– Ах, Саид-ага, когда-то я присутствовал при въезде во дворец этой девушки. Тогда она рукой едва до конского стремени доставала, и до чего растрёпана, чумаза, а одета так, что поначалу мы её за невольницу приняли. На задний двор как раз партию новых девушек для услужения привезли, и её телега среди них затесалась. Нукер ещё при ней был, тот самый, которого после на конюшню отравили. По незнанию я повёл себя неправильно, так этот бешеный Алан меня камчой отстегал, чуть глаз не вышиб, велел кланяться девочке до земли.

Лекарь сочувственно причмокнул губами.

– Какого воспитания от них ждать? Говорят, покойный оглан Тогаджи больше на башибузука походил, чем на царевича из великого рода. Дошёл до того, что одним разбоем жил, семью прокормить не мог, и то ли сгинул в набеге, то ли казнили его как грабителя.

Тучный Озгуль закатил заплывшие жиром глазки. Ему нравилось русло, по которому потёк их разговор, но, привыкнув к осторожности во всём, он усомнился, возможно ли так принимать одного из членов ханской семьи, пусть погибший оглан и не был никогда в фаворе у повелителя. Потому добавил после многозначительной паузы:

– Ныне повелитель напомнил всем,

что в Тулунбай всё же течёт кровь великого завоевателя.

Саид-ага хмыкнул неучтиво.

– Оттого и вспомнил, что не пожелал отправлять нашу красавицу Нурбику на погибель. Для такой участи и дочь Тогаджи сгодится.

Озгуль мгновенно наострил уши, видимо, лекарь знал нечто большее, чем доносившиеся до остальных слухи и догадки.

– Разве стать супругой султана мамлюков, который возвысился над многими, владеет богатыми землями и свирепыми воинами, не знающими поражений, это погибель?

Табиб понял, что сболтнул лишнего, заюлил мгновенно:

– Земли дальние, ага, и жара там, говорят, стоит много месяцев. Наша ханика такая хрупкая и деликатная, может не выдержать ни каирского климата, ни того, что больше никогда не увидит степей и своего брата-повелителя.

Евнух почувствовал подвох, откровенность Саида, до того лившаяся щедрым ручьём, вдруг оскудела, и неспроста. Но раз лекарь, смело поносивший покойного царевича, повернул свою речь в другую сторону, служитель гарема не стал настаивать. Бывают тайны, из-за которых тебе свернут шею, как курице на птичьем базаре, тогда уж лучше держаться от них подальше, хотя внутри всё так и свербит от любопытства. Но Озгуль потому и прослужил много лет в гареме, что умел вовремя останавливаться. Здесь его обязанностью было оберегать юную госпожу, и он, более не задавая вопросов, принялся разглядывать задёрнутую рукой ханики занавесь, стараясь угадать, что же там происходит.

А Нурбика тем временем увлекла Тулунбай вглубь беседки.

– Говори, спасся ли твой нукер?! Повелитель не узнал о нём?

Дочь Тогаджи невольно рассмеялась:

– Милая сестрёнка, а я всё ждала, когда же ты спросишь об Алане!

– Благодарение Всевышнему, моя болезнь не позволила нашему брату

приступить к тщательному допросу. Но меня страшит будущее. Вскоре он может призвать меня к ответу, и нужно придумать, что нам говорить.

Тулунбай помрачнела, охота подшучивать пропала сама собой.

– Он спрашивал и меня, Нурбика, думала, умру от страха. Ожидала, что меня прогонят из дворца и сошлют в самый дальний улус. Но Алана я не выдала. Не признавайся и ты. Мы к роднику святого Ахмеда ходили вдвоём, так говори всем, кто станет спрашивать.

– Скроем правду, – согласилась с ней ханика, – пусть твой нукер не страдает.

Она потупилась, загнутым носком туфли покатала камушки. Ни слова не произнесла, но Тулунбай угадала, о чём думала и не решалась спросить Нурбика. Не стала мучить её, сообщила без утайки:

– Не знаю пока, где Алан укрывается. Велела ему спрятаться, он подчинился и на конюшне не появляется. Но я хочу забрать его в Каир, только так смогу спасти. Как бы мы не утаивали его участие, рано или поздно оно откроется.

Нурбика взглянула на неё. Первой красавицей Сарая младшую сестру Узбека не зря называли, таких бархатисто-чёрных глаз в опухавших ресницах не сыскать во всей степи. А вот с лица она спала, ушла округлость нежных щёк, и хрупкие пальцы стали худенькими, как птичьи коготки. Тулун отметила это машинально, напряжённо ожидая возражений девушки. Она готова была отругать Алана за его несносный талант брать в плен женские сердца. Вот и в душу ханики запал, да так, что Нурбика, должно быть, уже нарисовала в воображении картину, как станет тайком бегать на встречи с нукером. Но дочь Тогаджи не могла допустить такого ни ради безопасности своего телохранителя, ни ради самой Нурбики, всегда отличавшейся безрассудством. Если сестра Узбека что-то задумывала получить, она и горы могла свернуть, встань они на её пути. И в этот раз она не пожелала сдаться.

– Неужели ты считаешь, что я не сумею держать язык за зубами, не отыщу способа защитить нукера? Он принадлежит этому дворцу, много лет здесь проживает, зачем Алану уезжать в Каир? У тебя там и без него будет много слуг.

Тулунбай набрала побольше воздуха в лёгкие, приготовившись к долгим возражениям и увещаниям, но вдруг передумала отговаривать Нурбика. Спросила, казалось, вовсе о другом:

– Помнишь, как-то ты поведала мне сказку о ханской дочери Гаухар и охотнике Чауше?

Нурбика нахмурилась, но дочь Тогаджи, будто не замечая её недовольства, продолжила:

– Чауш был ловок и стремителен, как горный барс, строен, как кипарис, прекрасен, словно Юсуф. Но он был всего лишь охотником, а Гаухар росла в шёлковых пелёнках и ела из золотой посуды. Чауш имел неосторожность влюбиться в ханскую дочь и понравиться ей. Гаухар хотелось, чтобы он чаще пробирался в её сад и нащёптывал свои горячие и страстные признания в ушко, которое она с охотой подставляла. Но однажды Чауш осмелился на дерзость, предложил ханской дочери бежать с ним. Гаухар оскорбилась. Как этот безродный мог подумать, что она снизойдёт до него. Тогда ханская дочь кликнула стражу, повелев отрубить безрассудному юноше голову. И вспомни, что ты тогда сказала, Нурбика. Заявила, что поделом ему, пусть даже в мыслях не равняет себя с девушкой из такого знатного рода.

Ханика нахмурилась, с неохотой буркнула:

– С чего ты это вспомнила?

– Ты его погубишь, Нурбика.

За эти дни невероятные перемены случились с капризной госпожой, она вдруг кивнула, соглашаясь, и лишь отвернулась, стремясь спрятать свою печаль. Тулунбай, не выдержав этой непривычной покорности, вновь крепко обняла её.

– Пусть я заберу все твои горести,

Нурбика, увезу их с собой. Никто не стоит твоих страданий, прекрасная госпожа, тем более простой нукер. Вот увидишь, наш повелитель скоро найдёт для тебя достойного мужа – красивого, преданного, любящего. И султан вовсе не так хорош, как говорят его послы. Он уже немолод, слышала, что хромает из-за старой раны, но до сих пор любит воевать. Как уйдёт в поход, так жёны подолгу скучают, или же радуются, что не видят его лица, ведь у него ужасный шрам на всю щёку. А ещё предводитель мамлюков...

Дочь оглана споткнулась на половине фразы, разглядев недоумение на лице ханики.

– И ты согласилась стать его женой?

Тулунбай хмыкнула, почесала кончик носа. В желании отвлечь и утешить сестру она далеко зашла, нарисовала такой облик будущего супруга, что и самой стало не по себе. Но вспомнила лицо, которое разглядела в роднике, и вновь мурашки неприятно зашевелили спину. Пусть видение было мимолётным, обманчивым, но очень уж похожим на того, кого она расписывала сейчас перед Нурбикой. Шрам разглядела в том роднике, а про хромоту и мужественность мамлюкского султана Кутлуг-Темир поведал. Сказал, что её будущий супруг отважный воин, участвовал во множестве битв, получил немало ран, из-за которых и хромает поныне. Хотел этим упоминанием хвалу ан-Насиру вознести, но в голове юной девушки уже сложился образ, далёкий от совершенства. Вовсе не походил правитель далёкого Каира на блистательного хана Великой Орды, и сейчас вздох сожаления вырвался из её груди:

– Я должна смириться, моя милая Нурбика. Наш повелитель сказал, что я стану в султанате его глазами и руками. Хан Узбек мне доверяет, могу ли обмануть его надежды?

Тулунбай поднялась со скамьи. Пожалуй, впервые дочь оглана ощутила себя не тенью ханики, а настоящей маликой из рода Джучи. Спина, выпрямившись, вытянулась, как струна на сазе,

Тулун глядела на сад, но видела уже не привычные для взора картины, а иные просторы неведомых ей египетских земель. Какие они – трудно угадать и даже представить себе, сколько бы ни рассказывали о них, но те места скоро станут её обителью и владениями.

– Пора нам проститься, сестра, – произнесла она, – у меня сотня незаконченных дел. И Баялун-ханум нужно посетить. А ты выздоравливай, пусть Аллах будет милостив к тебе.

120

* * *

Глава посольства мамлюков в этот час не находил себе места. Ещё вчера эмира Утуджи порадовали вестью о скором отбытии каравана, как тут же потребовали трат на праздник проводов невесты. Было от чего заболеть голове, которая и так непрочно сидела на его плечах. Он получил ответное послание султана на сообщение о девушке, которую везёт из Сарая в жёны господину. Среди сухих строк не отыскалось следов радости ан-Насира. И опытный дипломат догадался о причине такого равнодушия. Правитель с некоторых пор не нуждался в браке, которого прежде старался добиться. И всё из-за повелителя иранских земель – ненавистного Газана. Тогда Ан-Насиру как воздух требовался военный союз с правителем Великого Улуса, породнившись с ханом Узбеком, он мог надеяться на орды кочевников. Однако пока сарайские эмиры отказывались отдать девушку из ханского рода султану мамлюков, задули ветры перемен между Тебризом и Каиром. С годами огонь вражды между двумя государствами поутих, и потому надобность в браке с ордынкой отпала. Так, видимо, думалось султану, но в этом деле эмир Утуджи готовился поспорить со своим господином, ведь он доставит в Каир настоящую пери, к тому же любимейшую из сестёр Узбека. Посол надеялся, что красота девушки растопит безразличие султана, и ан-Насир оценит его усилия, возместит все убытки и не оставит своими милостями.

Утуджи тешился подобными мыслями, пока ещё не зная о перемене невесты. Он ведь такого и в страшных снах не предвидел, уверенный в том, что к берегам Нила отправится Нурбика. Услышь мамлюк, о чём шептались все вокруг, мгновенно прозрел бы. Только сейчас эмир был слеп и глух ко всему, не касавшемуся готовившегося торжества, его занимало одно: как не ударить в грязь лицом и достойно провести пиршество. Трудность состояла в том, что все кошель посольства опустошили при предыдущих тратах, на очередное требование средств не осталось. Но в этой беде им мог помочь торговец Сусун.

Этот ловкий делец уже не раз выручал, когда приходилось заплатить часть калыма за невесту или купить подарки, не предусмотренные прежде по спискам, которые со всей тщательностью составлялись в султанской канцелярии. Таких трат нашлось превеликое множество, а Сусун лучше других отыскивал нужных людей, кто мог ссудить большие суммы послу султана ан-Насира. Он был не из египетских купцов, но оказался куда полезней земляков. Эмир поначалу обратился к каирцам, прибывшим в этот год на базары Сарая, а так же к левантийцу и торговцу тканями из Дамаска. Но все они принялись плакаться, рассказывать, какие убытки их постигли и не спешили помочь попавшему в сложное положение посланцу правителя султаната. Утуджи с мстительным чувством повелел личному писцу внести их имена, отныне недостойные благоволения, в особую тетрадь, где за время всего путешествия отмечались и те, кто помогал ему, и напротив – отказавшие в самой малости. Нарядными красными чернилами вилась в этой тетради надпись, относившаяся к Сусуну и его благородным делам, под ним значилось и имя младшего брата торговца – Кусун. Не так уж много услуг оказал он, но у эмира только при взгляде на этого стройного, привлекательного юношу поднималось настроение. Посчастливилось увидеть, как Кусун владел саблей и луком, он обладал всеми качествами

настоящего мамлюка, к тому же каждое качество можно было вознести в самую высокую степень.

И Кусун оказался первым, кого увидел Утуджи, отправившись на самый большой базар Сарая в поисках его старшего брата. Юноша в седельном ряду выбирал упряжь. Султанский посол не смог пройти мимо, направил стопы прямоком к увлечённому своим занятием джигиту.

– Пусть Аллах благословит твои труды, Кусун. Ищу твоего уважаемого брата, пусть будет доволен им Всевышний, в лавке только его помощник, а сам Сусун-ага...

Кусун, приветствуя обратившегося к нему вельможу, склонился в учтивом поклоне, и столько изящества и скрытой силы было в его движениях, что ценитель прекрасного Утуджи замер в восхищении, так и не закончив вопроса. Впрочем, младший брат торговца отличался не только красотой, но хорошим воспитанием и догадливостью, он домыслил всё, что хотел сказать его знатный собеседник и не затянул с ответом, заговорив с присущей ему любезностью:

– Сусун прослышал о ваших затруднениях, достопочтенный эмир, и направился на поиски того, кто в состоянии дать вам в долг. Он и сам поучаствует в этом деле, но, к сожалению, не обладает такими большими средствами. К тому же нам с братом пришлось потратиться на сборы в дорогу.

Мамлюк от радости и вовсе не смог вымолвить ни слова, только закивал поспешно головой, расплываясь в улыбке. Ах, до чего же расторопен и предупредителен этот Сусун, одним им можно заменить всю службу посольства! А как учтив и обходителен Кусун! Они словно в награду посланы ему Всевышним, забываются обо всем, не успев и просьбы услышать! Но вот до него дошло упоминание юноши об отъезде, и эмир, ещё не веря счастливому стечению обстоятельств, переспросил:

– Не с нашим ли караваном вы намереваетесь отбыть?

– Если так будет угодно Аллаху, господин. Брат закончил в Сарае торговлю и закупил новую партию товара для торговли в Каире.

– Ах, как вы меня обрадовали! – вскричал, не удержавшись, Утуджи.

Его тёмное, как медь, лицо расплылось в ещё более широкой улыбке, а глаза и вовсе спрятались в складках век. О чём только не подумалось в этот миг главному послу ан-Насира. Такой ловкий в делах купец, каким был Сусун, непременно пригодится в дороге, да и на берегах Нила он не намеревался обрывать с ним связи. А его брат – этот превосходный образец мужской красоты в сочетании с гибкой силой – непременно приглянется повелителю, если отыщется случай представить его султану. Ан-Насиру с незапамятных времён нравилось окружать себя такими вот джигитами, и с ними он проводил куда больше времени на стрельбищах, охотах и скачках, чем с гуриями в собственном гареме. Женщины пленяли господина ненадолго, едва остывало ложе, покинутое ими, как султан отворачивал свой лик от красавицы, которой наслаждался прошедшей ночью.

Пожалуй, лишь одна из жён, несмотря на долгие годы, проведённые рядом с ним, продолжала пользоваться привязанностью непостоянного своего господина. Была она из невольниц, выкупленных когда-то у одного купца. В те времена Утуджи приходилось видеть её без покрывала, и он не находил в одалиске ничего, что так прельстило султана. Она была высока, худа, с узкими бёдрами и маленькой грудью, с копной чёрных густых волос, напоминавших гриву коня. А взгляд больших глаз так пронзал, что Утуджи при встрече с рабыней невольно ёжился под её уничтожающим взглядом. Она словно воплощала всем видом непокорность и бунт. Подумалось тогда, кто же захочет купить подобную строптивицу. Но вскоре донёсся слух, в который сразу и не поверилось: ан-Насир взял женщину в свой гарем, а после рождения сына сочетался с наложницей браком. Так,

недавняя невольница превратилась в самую влиятельную женщину во всём султанате и по сей день оставалась такой. Сможет ли соперничать с ней любимая сестра хана Узбека?

Мысль эта, ненароком проскользнувшая в голове, слегка опечалила эмира. Но вскоре он отнёс её прочь, и посаженный любезным Кусуном на лучшее место в лавке, принадлежавшей обоим братьям, принялся наслаждаться поднесённой ему чашей с хмельным кумысом. В Каире сей напиток не считался столь почитаемым, как в Орде, но Утуджи нравился его резкий, шибяющий в нос вкус. К тому же он замечал благотворное влияние кумыса на собственное здоровье, изрядно пошатнувшееся в дальних странствиях, оттого в степях не упускал возможности насладиться им сполна. А при взгляде на великолепную статью и очаровывающую внешность Кусуна старый царедворец с надеждой подумывал, что если ханика вдруг не станет услугой для взора повелителя, то уж за этого прекрасного юношу его непременно похвалят. Да и к чему гадать над судьбой сестры хана Узбека и предпочтениями ан-Насира, ведь в Каир он не невесту везёт, девушка эта лишь символ союза Улуг Улуса с Мамлюкским султанатом. Потому нечего размышлять о последствиях брака господина, ныне у него, главного посла, одна забота – угодить праздником прощания знатным хатун, чтобы отправиться, наконец, в путь.

Появившийся в лавке Сусун и вовсе усилил благожелательное расположение эмира, объявив:

– Почти всё улажено, господин, я отыскал надёжного заёмщика, из тех, кто отправляется в Каир с вашим караваном и готов не требовать быстрого возврата долга. Ему будет достаточно получить возмещение уже в столице султаната, благословенной самим Аллахом.

Посол с доброжелательной улыбкой взирал на молодого купца. Пусть Сусун не отличался такой выдающейся внешностью, как его брат, но в услужливости

и похвальной предусмотрительности превосходил красавца Кусуна.

– Как же я благодарен Всевышнему за такого помощника! Дорогой Сусун, в делах и проворстве я не видел за свой долгий век равных тебе! Теперь отправлюсь расшевелить моих разленившихся слуг, чтобы занялись подготовкой к празднику.

– Сообщите им, что с поставщиками сладостей я договорился, к дастархану доставят всё самое лучшее. Мясники, зеленщики, лепёшечники, всех и не перечислишь, достопочтенный эмир, все они готовы закатить такое пиршество, что у высококочтимых хатун не останется иных пожеланий, как благословить невесту и отправить её к могущественному жениху, проявившему такую невероятную щедрость. О предпочтениях самой госпожи Тулунбай, к своему глубокому сожалению, поведать вам не могу. Как бы я ни старался, но никто из дворцовых поставщиков не слышал, какие сладости любит бика и какие блюда удовлетворят её изысканный вкус.

Утуджи насторожился, только что внимал с удовольствием складным речам услужливого торговца, как мгновенно переменялся. Показалось даже, что ослышался. О какой Тулунбай заговорил Сусун? Не перепутались ли имена высокородных хатун в его голове от множества дел?

– Э-э... Тулунбай ты сказал, ага?

Теперь пришёл черёд оторопеть Сусуну, он переглянулся с младшим братом, который лишь пожал плечами.

– Достопочтенный илчи, но разве вы повезёте в Каир в жёны великому султану ан-Насиру, пусть будет прославлено его имя в веках, не дочь оглана Тогаджи – Тулунбай?

– Ты путаешь, торговец, в Каир отправляется любимая сестра хана Узбека – Нурбика! – с жаром возразил эмир, однако уже заподозривший неладное.

Сусун покачал головой, но вынужден был с сожалением огорчить всё ещё находившегося в неведении гостя с египетских земель.

– Нурбика остаётся в Сарае, так приказал повелитель, вместо неё отправляют Тулунбай. Она тоже находится в родстве с Узбек-ханом, но в дальнем, как мне известно.

Чаша с недопитым кумысом, выпав из рук Утуджи, жалобно звякнула и покатила по мощённому камнем базарному проходу. Такого вероломства и обмана от ордынцев мамлюк не ожидал. Но раззваться бранью не посмел, сработала долгая посольская привычка прежде подумать, чем выплёскивать разом своё возмущение и недовольство. И не перед этими двумя торговцами следовало поносить гневными речами правителя Улуг Улуса и его приспешника Кутлуг-Темира, так ловко водивших его за нос. Их вероломству имеется простое объяснение: они поступили так перед самым отбытием каравана, когда всё переиначить не остаётся ни времени, ни возможности. «О, Аллах! Что я скажу ан-Насиру?!» В который раз Утуджи ощутил, как непрочно собственная голова сидит на плечах, украшай её хоть парчовой чалмой, хоть самыми благородными сединами и прочими совершенствами, султан снимет с плеч в одно мгновение. Но кое-что могло его спасти – красноречие и правильно преподнесённая весть о том, что невестой отныне стала другая девушка.

Эмир, заторопившись, попрощался с молодыми торговцами и пошагал в сторону дворца беклярибека, намереваясь потребовать ответа с Кутлуг-Темира. Занятый противоречивыми – то тревожными, то гневными мыслями посол не замечал кипевшей вокруг суеты. А базарные ряды в этот час уже переполнялись народом: женщины спешили наполнить свои корзины всем необходимым для приготовления обеденной трапезы; мужчин привлекали ряды с товарами близкими их потребностям – кузнечные и кожаные изделия, снаряжение для рыболовства и охоты, оружие. Оживившиеся торговцы громко зазывали покупателей, расхваливали свой товар, порой беззастенчиво превознося их качества...

Выбравшись за пределы базара, представитель мамлюкского султана немного придержал свой шаг, но лишь потому, что по дороге принялся выстраивать будущий доклад своему повелителю ан-Насиру.

Эмир Утуджи старательно обдумывал, какие слова произнести, и в этом деле он будто бы разыгрывал сложную партию в шахматы. Невысокий толстенный чиновник египетского султана на ходу вытягивал губы трубочкой, беззвучно шевелил ими или в отчаянии махал руками и крутил головой. Со стороны посол выглядел нелепо и смешно, но собственный вид его мало заботил. Он вновь почти бежал по улицам Сарая, полы кафтана цвета охры развевались по сторонам, длинная белая рубаха путалась в ногах. Кто бы ни встречался ему по дороге, какими бы взглядами ни сопровождали, Утуджи-бей ничего не замечал, в эти минуты посла не заботило ничто, кроме мысленно произносимых слов. «Хан Узбек – истинный правоверный и большой друг Вашего Величества. В намерении укрепить связи двух великих держав и вознести наши силу и могущество на недосягаемую для других высоту повелитель Орды послал вам лучшую из дев от корня чингизидова, не усмотрев в избраннице ни одного изъяна и червоточинки. Она – достойнейшая из достойных и оторвана от сердца падишаха, как частичка его самого. Усмотрите в ней россыпи рубинов его души, изумрудов великодушия, его чистосердечного отношения к вам, мой благородный господин. Тулунбай послана вам ради мира, крепкого союза и будущих сокрушительных побед, совершённых вместе с воинством могущественнейшего из ханов».

Эмир с трудом перевёл дух в конце своей беззвучной тирады, придуманной в высокопарной форме и с выражением сильнейших эмоций, отображавшихся как на его лице, так и в жестах. Ему пришлось остановиться, чтобы отдышаться. Но огляделся он с заметно ободрённым видом. Речь, возникшая в момент отчаяния, словно из воздуха,

показалась ему удачной и вполне убедительной. Утуджи уже сам поверил в то, что невеста султана окажется совершенством, каким он её и описал, а если внешность девушки не будет так прекрасна, то высокое происхождение прикроет все недостатки. Утешив себя подобными выводами, посол явился к порогу ордынского беклярибека почти успокоенным. Однако следовало показать степень своего разочарования, потому он позволил себе ворваться в приёмную царедворца без доклада и начать речь с упреков:

– Мне следовало узнать о решении повелителя раньше других, уважаемый Кутлуг-Темир! Весь Сарай говорит о Тулунбай, в то время как я до сих пор нахожусь в неведении о неожиданной перемене решения хана Узбека. Почему же мне придётся везти в Каир другую девушку? Как вы объясните такую невнимательность и упущение, дорогой беклярибек, не следует ли мне подумать о злом умысле?

Кутлуг-Темира он застал в неподобающее время, при торговых расчётах с поставщиком, пригнавшим невольников с северной границы. Меньше всего беклярибек был готов к оправданиям тогда, когда только что сам заставлял выворачиваться работорговца наизнанку. Но разве он не привык к самым неожиданным ситуациям и не научился выходить из них без потерь?

– Злой умысел?! Как можно?! – Кутлуг Темир даже руками всплеснул, изобразив на лице одновременно негодование, раскаяние и разумение, как непросто воспринять неприятную ситуацию египетскому послу.

Незаметно он подал знак поставщику, только и мечтавшему сбежать от дотошного допроса, удалиться. Тот и исчез мгновенно, лишь ветерком дохнуло от захлопнутых створок дверей. А беклярибек поспешил усадить мамлюка на почётное место.

– Я только что готовился отправиться к вам лично, достопочтенный эмир, чтобы разъяснить всё. Увы, но мы пойманы в капкан случайностей судьбы. Ко-

варный рок может преследовать даже такой могущественный род, как род нашего повелителя хана Узбека. Одному Всевышнему ведомо, почему невеста, выбранная прежде, внезапно заболела. Однако дочь царевича Тогаджи – Тулунбай отличается завидным здоровьем, и правосуднейший из всех султанов и величайший из всех правителей, мой господин и повелитель Узбек-хан принял решение отправить в Каир её. Пусть же Всевышний осенит своим светом путь моего властителя и позволит и дальше принимать верные решения и вершить благородные дела на благо Улуг Улуса и вашего государства, благородный илчи.

Беклярибек огладил ладонями смуглое сухощавое лицо со слегка впавшими щеками, а после опустил глаза на чётки, принявшись перебирать их. В такие моменты он мог потянуть паузу, во время которой обдумывал, какие слова кроме восхваления хорошего здоровья девушки подходят для оправдания выбора хана Узбека. Впрочем, долго медлить с продолжением он не стал, и уже спустя пару минут продолжил:

– Её отец – покойный оглан Тогаджи и хан Узбек вышли из одного могучего и знатнейшего корня. Тулунбай воспитывалась во дворце вместе с Нурбикой, они одного возраста и обе несравненно хороши. Султан не заметил бы никакой разницы в их сияющих лицах, поставь мы девушек рядом. Она стройнее кипариса и с глазами трепетной газели, а губы подобны дамасской розе. И в происхождении бики нет никакого сомнения, илчи, ведь Тулунбай приходится хану Узбеку такой же сестрой, как и Нурбика.

Кутлуг-Темир внезапно остановился, подумалось, что излишнее превозношение дочери Тогаджи выглядит подозрительно. К тому же не так уж хороша Тулун, чтобы равнять её с прекрасной Нурбикой. Одно утешало, Утуджи не видал любимой сестры хана, и сравнивать ему будет не с кем. Проведут праздник прощания с невестой и отправят караван подальше с глаз. Одной заботой

у беклярибека станет меньше. Он взглянул на мамлюка уже с улыбкой, добродушно прищурившись:

– Вам не о чем беспокоиться, уважаемый эмир, отношения наших государств от этого не поменяются, и наши общие чаяния и взгляды будут устремлены к обоюдным интересам и делам. Чтобы подтвердить это, я подписал ряд послаблений для ваших торговцев, отныне привозить товар из султаната станет куда выгоднее. И препятствия для вывоза невольников из наших улусов в Каир так же устранены.

– Благодарю вас, достопочтенный беклярибек. Но позволено ли мне будет прежде увидеть госпожу Тулунбай?

На такое дерзкое требование Утуджи никогда бы не осмелился, находясь в пределах земли египетской, где женщины заботливо упрятаны от посторонних взглядов. Но в кипчакских степях ордынки ходили с открытыми лицами, предоставленными вольному ветру, лишь юные девушки стеснительно таили за тонкой материей розовые бутоны губ. Посол же, неожиданно заявив о желании взглянуть на невесту господина до отбытия каравана, словно показывал своё недоверие и предполагал какой-то изъян у бики. Острым взглядом он пронзал собеседника, надеясь разглядеть его замешательство. Однако Кутлуг-Темир продолжал излучать благодущие.

– Вы увидите её на празднике, уважаемый илчи, не усматриваю для того никаких препятствий. У вас всё готово для прощания наших хатун с их горячо любимой дочерью царевича Тогаджи?

Вырванное с лёгкостью согласие беклярибека смутило Утуджи. Оно могло означать, что все его подозрения напрасны и нет никакого подвоха в перемене невесты. К тому же напоминание о пиршестве, которое он должен был устроить, заставило перевести мысли в другое русло. Эмир полностью доверился торговцу Сусуну в несомненно важном деле, но следовало всё перепроверить, чтобы не опозориться перед знатными женщинами из ханской семьи.

– Мы заканчиваем приготовления, –

уклончиво отвечал он. – О дне праздника сообщу вам заранее.

Беклярибек, удовлетворённый его ответом, кивнул. Небольшая задержка его вполне устраивала, он мог без спешки закончить сборы Тулунбай в дорогу, оставалось время и для последних наставлений. В этом деле он по-прежнему полагался на ханум Баялун.

* * *

Бика, призванная старшей госпожой, застала Баялун в постели. Недуг женщины вновь взял в плен её обессиленное от долгих страданий тело, и голос обратился в хриплый шёпот, обрываемый затыжым кашлем.

– Я многого не успела тебе сказать, девочка...

– Высокочитимая ханум, каждая капля ваших назиданий хранится в моей душе, подобно драгоценному знанию, с которым не расстанусь никогда.

Баялун махнула слабой рукой, то ли приказывая замолчать, то ли показывая одобрение произнесённым словам. Тулунбай не знала, как повести себя дальше, терпеливо ожидала, когда очередной приступ кашля покинет тщедушное тело. Ханум отогнала от себя суетившихся невольниц, подозвала дочь Тогаджи поближе. Заставила склониться и зашептала прерывисто:

– Меня просили научить тебя высокомерию и надменности. Они не понимают, какой мир ожидает тебя, дитя... Забудь обо всём, что тебе наговорил беклярибек. Он всего лишь государственный деятель, и все помыслы его направлены на одно. Они возомнили, что сердце султана можно покорить высоким происхождением, как будто предводитель мамлюков не мужчина. Глупцы!

Она вновь зашлась кашлем, на этот раз таким долгим и изнуряющим, что уже не могла говорить, и явившийся табиб без лишних церемоний выставил бикю за порог. Тулун некоторое время ещё постояла у дверей в надежде на возвращение, но, судя по звукам, до-

носившимся из покоев, приступ лишь ухудшался. Вздохнув, дочь оглана заставила себя смириться с невозможностью остаться, хотя и чувствовала, что самое важное ханум так и не донесла до неё. Подождав немного, она утешилась мыслью об ещё одной встрече, ведь она сможет зайти к госпоже завтра перед праздником. Подтвердила это и старшая прислужница Фатима:

– Ханум не сможет принять вас сегодня, бика, она призовет вас утром.

– Госпожа ведь поправится наутро? – спросила Тулун.

Фатима взгляделась в наивное личико с румянцем на круглых скуластых щёчках. Увы, могла ли юная девушка, пышущая здоровьем, оценить истинное состояние госпожи, стоявшей на пороге смерти? По неопытности она не знала настоящей цены времени, которого у неё было предостаточно, но вот для кого-то оно утекало с пугающей быстротой. Ханум Баялун уже впала в болезненное оцепенение, а за ним ожидали беспомощность, предшествующее последнему вздоху. Но прислужнице не следовало сообщать об этом дочери Тогаджи. Она слегка склонилась, придерживая расстёгнутый кафтан на объёмном животе.

– Как может быть иначе, бика? Аллах милостив к нашей драгоценной ханум. Сейчас подействует лекарство, и она заснёт, а с первыми лучами солнца пробудится для обыденных дел.

Густой уверенный голос старшей прислужницы звучал успокаивающе, и бика удовлетворённо кивнула головой.

– Тогда передайте высокочтимой ханум, что я приду сразу после утренней молитвы.

– Как прикажете, госпожа.

Тулунбай одарила невольницу лучезарной улыбкой и поспешила к лестнице, ведущей в сад. Бика вспомнила о делах, которые ожидали её, а времени исполнить самое необходимое почти не оставалось, уже назавтра наметили праздник, на котором ей хотелось быть особенно красивой. А на следующее утро караван отбывал.

Из сада дорожки вели к постройкам – приземистым помещениям для проживания дворцовой охраны и слуг, дальше – к амбарам, загонам для животных, башни для ловчих птиц. Обширное место отводилось конюшням. Туда, как доложила своей госпоже Айсара, этой ночью вернулся Алан. Бестолковая ленивица порою могла быть полезна, и хоть в этом не подвела, вовремя заметила появившегося нукера. Тулун спешила, хотела как можно скорее увидеть телохранителя и отдать ему важные распоряжения перед дальней дорогой. А после предстояли встречи с жёнами повелителя.

У султанской невесты голова шла кругом, когда представляла эти скучные церемонии и приличествующие моменту речи, которые она должна произнести с нижайшим почтением и горячей благодарностью. Ведь считалось, что каждая из высокородных женщин заменяла Тулунбай мать и приложила немало усилий к её воспитанию. Ныне ей следовало позабыть обо всех обидах. За время короткого визита она сумеет прикинуться довольной, а после покинет навсегда пристанище чванливых и чопорных женщин из ближайшего окружения хана Узбека.

Алана она отыскала в одном из денников, нукер расчёсывал гриву Карагез и, казалось, не замечал дочери Тогаджи. По конюшне сновали работники, почтительно поклонившись бике, спешили по своим делам, но лишь когда рядом не осталось невольников, Алан повернул голову к ней.

– Мне сказали, вы отправляетесь в Каир, госпожа?

Его вопрос прозвучал обвинением, и Тулун сразу поняла, отчего телохранитель так холоден. Видимо, посчитал, что она его бросила, позабыла о том, как многое связывало их много лет. А ведь ближе их двоих в этом огромном роскошном дворце никого не отыскать.

Когда-то оглан Тогаджи привёз маленького пленника Алана в стойбище после одного из походов на Дигорию, нашёл в селении, разорённом враждо-

вавшими с местными жителями горцами. После не лишал внимания, приблизил к себе, обучал виртуозному владению оружием, а перед последним походом назначил телохранителем к своей дочери Тулун. Алану тогда едва минуло тринадцать, а его маленькой госпоже не исполнилось и шести. С той поры они не разлучались и в Сарай прибыли вместе.

Алан продолжал считать бики своей единственной госпожой, не обрывал связи, тянувшейся из их детства. И сейчас этот сильный и крепкий мужчина вдруг напомнил ей прежнего мальчика, разлучённого со своей родиной, а после и с покровителем, в котором Алан видел отца. Он находился в замешательстве, но не хотел показывать собственной растерянности дочери Тогаджи. А Тулун разглядела его состояние, подошла ближе, положив руку на широкое плечо. К счастью, никто не мог помешать ей и посчитать дружескую близость недостоинной поведения султанской невесты, ведь её сопровождение осталось у ворот конюшни. Изнеженный евнух не переносил запаха навоза, а Айсара опасалась лошадей.

– Разве я смогу расстаться с тобой, Алан? Разве отец не поручил тебе меня, а мне тебя? Оставаться здесь опасно, повелитель рано или поздно узнает, кто помогал Нурбике бежать из дворца. Но мы уедем уже послезавтра и больше не увидим Сарая, этого дворца и хана Узбека. Пусть всё останется позади, мой нукер!

Алан упал на колени, припал к её рукам. Тулунбай до глубины души тронула его преданность, обняла бы крепко, но конюшня была последним подходящим местом для проявления чувств. Здесь хватало посторонних глаз и ушей, поэтому бика поспешила отнять свои руки.

– Собирайся и Карагез приготовь в дорогу, если повелитель подарил её мне, так заберу в Каир. Скоро пришлю за тобой.

Покончив с этим делом, дочь Тогаджи в приподнятом настроении отправилась с визитами к высокородным хатун. Обязанность выразить жёнам и

близким родственницам Узбека свою глубочайшую признательность уже не казалась такой уж тяжёлой. У садовых ворот столкнулась с беклярибеком, выразила и ему почтение, не обратив внимания на топтавшуюся за спиной главы дивана Фатиму. Хотя и могла бы удивиться, ведь что могло связывать старшую прислужницу ханум Баялун с высокочтимым царедворцем?

А невольница тем временем, проведив взглядом Тулунбай, продолжила оборванный внезапным появлением бики донос. Кутлуг-Темир выслушивал женщину с явным недовольством. Он давно приставил наушницу к госпоже, хотя они с Баялун и находились на одной стороне, но, как известно, даже в стане друзей следует иметь своего человека. Много лет они шли с ханшей одной дорогой, ещё с той поры, как, овдовев, Баялун поддержала Узбека в его притязаниях на трон Орды. И в последующие годы женщина из повиновения любимому супругу не выходила, не нарушала предписанных рамок. Но вот заболела она вдруг странной привязанностью к Тулунбай, которая никому во дворце не была нужна, не имела ценности до того момента, пока не подкасал беклярибек повелителю, на что девчонка может сгодиться. Случалось, одаривала ханум дочку оглана Тогаджи лаской и прежде, но внимание бывало явлением редким, будто походя. А вот в последние дни Баялун словно подменили, вздумала она не просто снарядить Тулун в Мамлюкский султанат лучше, чем саму ханику, а ещё выучить тому, чему повелитель не приказывал. Захотела для бики счастливого брака, забывая об истинном предназначении невест из рода Джучи. А ведь и более высокородных, самых близких к ханскому трону девушек провожали в дальние страны для потреб Улуг Улуса, чтобы поддерживали они там могущество Орды, презрев возможные опасности. На чужбине ордынские принцессы олицетворяли гордый и великий род победителей и властителей. Об их личном счастье речи не шло, в них и женщин

порой не видели. Недаром посол султана ан-Насира заверил, что его господин ценит в будущей невесте её высокое происхождение. Какой окажется эта девушка – красивой или нет, доброй и покладистой или чванливой, значения в подобном браке не имело.

Сам Узбек побеседовал со старшей госпожой, объяснив, как следует Тулунбай вести себя в Каире, но, видимо, не переубедил ханум, раз Баялун пожелала направить мысли бики по иному пути. Отправься к предводителю мамлюков Нурбика, не возникло бы и мысли в обучении сестры повелителя, которая и не умела вести себя иначе. Красавица Нурбика с рождения была госпожой, проживала во дворцах, а вот дочь оглана поначалу росла в кочующем стойбище, а, появившись в Сарае, не получила и половины того, что полагалось девушке из ханского рода. Восстановить пробел в воспитании ставленницы Орды призвали Баялун, а она попыталась направить свои старания в неверное русло.

Беклярибек думал об этом, молча выслушивая донесение прислужницы. Махнув рукой, он отослал наушницу, но та не ушла, напротив, сделала шагок к нему. Совсем неприметный, но заставивший Кутлуг-Темира обернуться. На пухлом лице служительницы гарема заискивающе поблёскивали узкие глазки.

– Позвольте ещё сказать, господин, – произнесла она с прежним подбострастием, – пусть я заберу ваши тревоги, рассею, как утреннюю дымку, вижу, вы опечалились, а поводов для того нет, ваше беспокойство растает, подобно первому снегу...

– Говори! Что там ещё? – резко оборвал он рассыпавшуюся в упражнениях красноречия женщину.

Та опустила взгляд, помялась, прежде чем вымолвила:

– Ханум поговорить с бикой по душам не сумела, и все наставления до неё не донесла. Получилось шепнуть лишь несколько слов, и то, как бы они последними не оказались.

Эмир нахмурился, новое сообщение лишь напустило тумана.

– О чём это ты, Фатима?

Опытная прислужница всё ещё не решалась доложить о недуге старшей госпожи, она не была уверена, что сообщает хорошую весть вельможе.

– У ханум, стоило ей заговорить с бикой, случился приступ, и такой сильный, какого раньше не бывало. Табибы пытаются привести госпожу в чувство, но опасаются...

– Как ты могла не сообщить об этом сразу?!

Дородную женщину будто смело его криком с дороги, Кутлуг-Темир бросился к покоям Баялун, по пути взывая Всевышнего не допустить смерти госпожи. Увы, даже самые горячие молитвы бессильны, когда тень Азраила уже нависает над ложем обречённого...

* * *

Суетливые сборы и многочисленные визиты утомили Тулунбай, и она провела ночь без сновидений, будто провалилась в тёмную бездонную яму и парила в ней до момента пробуждения, пока Айсара не дотронулась до её плеча.

– Пора, госпожа.

Тулун с трудом разлепила тяжёлые веки, потянувшись, сладко зевнула.

– Айсара, ты пошли за моим нуке-ром. Хотела отдать кое-какие распоряжения перед отъездом. Сегодня праздник, мне и повернуться будет некогда, только сейчас и есть минутка.

– А я, госпожа, ходила его проведывать вчера, как только вас уложила, но старший ага меня остановил и не позволил.

Остатки сонливости слетели, словно сухая листва с дерева, дочь Тогаджи быстро привстала, спустив ноги на ковёр, нашарила туфли. Что-то в голосе прислужницы насторожило, да и само упоминание о главном евнухе ничем хорошим не заканчивалось.

– С чего бы это аге вмешиваться?

На плоском лице невольницы Тулунбай явственно читала замешательство. Айсара хитрить не умела, если и лгала, то её всегда с лёгкостью разоблачали.

– Говори, негодница! У меня тысяча дел сегодня, некогда придумки твои разбирать. Так почему Хасан-ага не позволил пройти к Алану?

Айсара обиженно поджала губы. Хотела, мол, смягчить удар, но раз не желаете, так выложу всё, как есть.

– Ваш нукер никуда не едет. Нурбика распорядилась оставить его на конюшне. Она решила оставить заботам Алана своего скакуна. Никакого другого конюха, сказала, не надо, только этого. Вот ага и повелел.

Тулунбай вскрикнула, даже притопнула ногой в досаде. Недооценила она нрава Нурбики, хотя знала, любимица повелителя привыкла получать всё, что пожелает. А раз захотела, чтобы Алан находился поблизости, так не отступится. Даже угроза его жизни не заставила отказаться от очередного каприза, а ведь прикинулась согласной с решением Тулун, но после ударила исподтишка. Подскочив с постели, бика повелела нести одежды.

– Омовения не станете совершать? Час молитвы настал.

С мыслями о своём предназначении Тулунбай постаралась соблюсти священный ритуал со всем старанием. После решительно приказала:

– Идём на конюшню. Никому не позволю отобрать моего нукера. Алана мне отец дал, и мы с ним неразлучны. Я ни одному ханскому телохранителю не доверяю, как ему. Пусть Нурбика попробует отнять у меня нукера!

Но до конюшни они не дошли, в коридоре столкнулись со спешившим главным евнухом. Чалма Хасана-ага сбилась набок, полы халата развевались на бегу, а хрипевший от спешки рот перекосило набок.

– Куда вы его дели?! – возопил он, разглядев, с кем столкнулся в узком коридоре. – Где ваш конюх, бика?

Тулунбай в изумлении не сразу ответила, взглянула сначала на Айсару. Уж не сыграла ли с ней шутку прислужница, может, уговорила она прежде с Аланом и спрятала его где. Но невольница стояла с приоткрытым ртом,

и её глуповатый вид говорил сам за себя, у девчонки не хватило бы ума и изворотливости провернуть такое. Неужели нукер исчез? Утёк между пальцами самоуверенной Нурбики, не пожелал становиться слугой госпожи, перед которой каждый во дворце готов склониться. Дочь Тогаджи расхоталась бы от души, порадовавшись такой внезапной победе над ханикой, да только знать бы точно, что Алан в безопасности и не схватили его этой ночью воины повелителя, прознав об его проступке. От такой мысли даже спина похолодела, и Тулун не нужно было прикидываться, когда в ответ спросила растерянно:

– Так ведь он был на конюшне, ага, разве его там нет?

Распорядитель гарема всхлипнул горестно. В другое время не стал бы тратить на разъяснения, но ныне не смог не поделиться своими страхами.

– Ах, бика, пропал ваш нукер, и я сам пропал. Госпожа не простит! Как я доложу, что не смог исполнить её повеления?

Тулунбай насупилась, спросила как можно строже:

– Расспросили ли вы, ага, работников на конюшне? Не мог Алан уйти незамеченным. Я ему приказала Карагез приготовить в дорогу. И самому нукер...

Она оборвала речь на полуслове, нахмурилась ещё больше:

– Только не говори, ага, что подарок нашего хана, моя Карагез, тоже исчезла!

Главный евнух опешил, не ожидал, что потребует с него ответа не Нурбика, а Тулун, которую он прежде лишь тенью ханики считал. Но ныне Тулунбай высоко взлетела, стала невестой самого мамлюкского султана, а завтра будет госпожой над всеми землями султаната. Ага испугался было, да вовремя вспомнил о службе Алана на конюшне. С него спрашивают за беспорядок в гареме, а на конюшне другой ответственный. Потому главный евнух немного приободрился, но отвечал с почтением, подобострастно склонив голову:

– Ваш нукер исчез ещё с вечера, госпожа. Увёл вашу лошадь к реке, перед дальней дорогой искупать. А назад не вернулся. Доложить ли мне о его бегстве и краже Карагез повелителю? Может, погоню снарядить?

Тулунбай мысленно возблагодарила небеса за догадливость своего телохранителя. Видно, почуял Алан недоброе, вот и решил скрыться из дворца. И где бы он сейчас ни был, дочь Тогаджи на него не серчала. Однако для видимости произнесла с недовольством:

– Нукер меня предал, и я его отныне видеть не хочу. Как отыщут, пусть Нурбика его забирает, если ей такой нерадивый, годный лишь на воровство слуга сгодится. А меня уже ожидают, надо к пиршеству приготовиться, ведь ныне во дворце большой праздник для меня – дочери оглана Тогаджи!

Отвернувшись, она не сдержала торжествующей улыбки, лучшей вести перед дальней дорогой не стоило ожидать. Алан, останься он на службе во дворце, однажды не избежал бы гнева хана Узбека, а теперь он спасся и не достанется избалованной сестрице, думающей лишь об убаюливании собственных капризов. Пусть мчится к новой жизни! Нукера, как и её, ожидают с этого утра невероятные, волшебные перемены. Не жаль даже Карагез, невелика потеря. Эту лошадь повелитель отдал бедной родственнице, словно желал посмеяться. Хорош подарок, когда Тулунбай ни разу не позволили вскочить в седло!

Такие дерзкие мысли прежде в голову не приходили, дочь Тогаджи не смела в самых затаённых думах осуждать и хулить Узбека, а эта родившаяся в душе смелость лишь увеличила радость от предвкушения чудесных перемен. Прекрасное солнечное утро способствовало особому состоянию души. Столь счастливой Тулун ощущала себя лишь в далёком детстве, когда жила в своей семье без роскоши и великолепия сарайского дворца, но любимая всеми.

Остаток утра она провела в хаммаме, где невольницы неустанно труди-

лись, приукрашая невесту с помощью всевозможных ухищрений. После банных процедур умастили тело ароматными маслами, тщательно расчесали волосы и отполировали до блеска шёлковой рукавицей, нарядили, набелили и нарумянили. Тулунбай с непривычки почувствовала усталость, едва добралась до своих покоев. Хотела отдохнуть немного в постели, но переселило любопытство. Могла ли она не взглянуть хоть одним глазком, как ради неё преобразуют сад, где намеревались провести праздник прощания? Выглянула в окно и удивилась. У дворцовых ворот скопились гружёные арбы, которые отчего-то не пускали внутрь. Она была уверена, что это египетские послы привезли всё необходимое для намечаемого туя, а сейчас они в недоумении всплёскивали руками перед молчаливыми стражами, скрестившими свои копья перед их лицами. На вопросы караульщики не отвечали, и мамлюки уже теряли терпение.

Тулун прижалась к ажурной решётке на окне, пытаясь разглядеть, что же будет дальше. Она ещё гадала, чем может быть вызвана задержка, когда к послам вышел сам начальник стражи. А после подводы развернулись и последовали обратно под мерное бряцание колокольцев на шеях волов, тянувших тяжёлую поклажу. Бика озадаченно пожалла плечами. Каирцев отправили восвояси, а вместе с ними всё то, без чего обещанного праздника не могло произойти. Означало ли это, что пиршество перенесено на другой день или же... Тут у дочери Тогаджи сладко заныло сердечко. Не передумал ли хан Узбек отдавать её султану? Он так смотрел на неё в последнюю встречу. Может, она заставила его пожалеть о поспешном решении? Тулунбай могла предполагать и мечтать до бесконечности, позабыв, как строг был с ней повелитель в ту самую встречу. Она встрепенулась, услышав стук в свои двери, не иначе Узбек велел позвать к себе, чтобы разъяснить, отчего послы с арбами прогнаны от ворот. Но за порогом стояла Айсара.

– Зачем стучишься, глупая? Тебе поручили позвать меня к повелителю? – Тулун была не в силах сдерживать ликующего от переполнявших её чувств голоса. – Да говори же ты!

Айсара не ответила, лишь протянула сложенные вещи, а среди них чёрный кафтан и простое покрывало без затейливой вышивки. На Тулунбай словно холодом дохнуло, будто вернулись прежние времена и ей вновь готовили место тени ханики Нурбики, свергнув с высоты, на которую вознесли недавно.

– Что это, бестолковая? Сундуки перепутала?

– Простите, госпожа, но велено переодеть вас, – заикаясь, пробормотала невольница. – Нас посетило большое горе, бика. Всевышний призвал к себе ханум Баялун. Эти одежды самые подходящие из того, что удалось отыскать.

От неожиданности у Тулунбай ослабели ноги, она охнула, прижав кулачок ко рту. Сначала молнией пронзило облегчение: ничего из того, что пришло на ум в этот ужасный миг, ей не грозило. Весь двор погружался в глубокий траур – вот причина для отмены праздника и этих мрачных облачений. И лишь потом осознание потери охватило её всю, и слёзы навернулись на глаза. Госпожа Баялун была добра к ней, и её уход накануне отъезда в дальние земли показался дочери Тогаджи зловещим предзнаменованием. Как бы то ни было, но траур должен задержать её во дворце. Она останется в Сарае ещё на несколько дней, будет видеть повелителя, постарается утешить его, ведь никто из гарема не любил ханум так, как она. Однако вскоре и этой надежде пришёл конец. Главный евнух вошёл, чтобы объявить волю повелителя:

– Господин приказал не задерживать ваш караван, бика. Сегодня после погребения нашей высокочтимой Баялун-ханум вам следует приготовиться. Завтра утром вы отбываете вместе с посольством вашего жениха султана ан-Насира. Никаких торжественных проводов по этому случаю не будет, посвя-

тите же этот день молитвам и укройте свою печаль за покрывалом скорби.

Хрупкий цветок надежды ещё силился пустить корни в её душе, неужели Узбек не захочет сказать ей последних напутственных слов? Она набралась смелости, чтобы спросить:

– Хасан-ага, повелитель не позволит мне прийти попрощаться с ним? Я хотела передать ему слова соболезнования, госпожа Баялун была очень дорога нам всем.

Управитель гарема выпятил нижнюю губу, по привычке хотел ответить с высокомерием, но, опомнившись, слегка согнул спину, хотя и без заметного почтения и усердия.

– Госпожа, повелитель пребывает в глубоком трауре и никого не желает видеть.

Тулунбай угадала притворство в голосе главного евнуха, она могла с лёгкостью разоблачить ложь в устах аги. Когда повелитель отдавал распоряжения, касающиеся её отъезда, о заворничестве Узбека речи не шло, отчего же невыносимая печаль овладела им именно сейчас? Тулун казалось, что в последние годы Баялун не пользовалась сердечным расположением царственного супруга, он нечасто навещал её и признавал за ханум старшинство в гареме, только помня о былых заслугах женщины. Кончину постаревшей и больной госпожи во дворце ожидали давно, и траур Узбека выглядел лишь данью обычаям и приличию. Тогда почему он не хотел проститься с ней?

Лишь к утру притупилась её тоска и печаль, потонула в суете последних приготовлений. Они покидали дворец, и вскоре улицы и площади Сарая останутся позади, а хан Узбек будет отдаляться от неё с каждым пройденным фарсахом пути. Никогда им больше не увидятся и ни к чему сокрушаться об этом. В который раз Тулунбай пообещала себе оставить глупые мечты позади. В дорожный кафтан облачилась с готовностью и не стала медлить для прощания со своей комнаткой и дворцовыми залами, прошла через них стремительно.

На крыльце она огляделась и внезапно повеселела. Прислуга всё ещё несла сундуки, загружая их в арбы и крытые возки. Повсюду царила суета, напомнившая бике сборы самого хана, когда он отбывал со всем гаремом, родичами, огланами, эмирами, бесчисленными невольниками и стадами на летние пастбища. В западных улусах Орды с ранней весны зеленела трава, а воды текущих с гор рек обладали целебными свойствами. Но не только это заставляло хана Узбека каждый год покидать дворцовые уют и удобства, предпочитая им кочевую жизнь. объезжая удел за уделом своих подданных, повелитель примечал многое: хозяйскую рачительность, богатство земель, сколько воинов могли дать беки. На окраинах своей степной империи он находил преданных ему людей, но чаще выискивал недовольных. Ордынские властители, чем выше был их титул, тем несговорчивей и необузданней становились, и среди них скрывались порой заговорщики, которых можно выявить, оказавшись с ними лицом к лицу в их собственном гнезде. Но для Тулунбай эти многолюдные пышные выезды, когда по огромным просторам Великого Улуса передвигался целый город из юрт и шатров, взгромождённых на широкие возы, было весёлым времяпровождением, немного напоминавшим кочевки стойбища её отца.

Куда большего она ожидала от предстоящего путешествия в Каир, ведь ныне вся эта суматоха случилась из-за неё, дочери Тогаджи, не ценимой и не почитаемой во дворце с позолоченной крышей. Из дальних караван-сараев столицы уже величественно выступали сотни верблюдов с поклажей, надсмотрщики на конях погоняли вереницы не-

вольников. И на окраине Сарая соби-рался огромный, невиданный прежде караван. С невестой султана Мухаммада ан-Насира в египетские земли отправлялись десятки знатнейших беков, мурз, влиятельных послов и неисчисли-мое количество торговцев.

В этот осенний день улицы заметало песком и опадающей листвой, а в степи завывали холодные ветра, но солнце светило в небесах и пылало в сердце дочери оглана Тогаджи. Она не замечала, как бывалые путники с тревогой поглядывали на небо, ожидая, что вот-вот с темневшего горизонта нагрянут тучи, и посыплет снежная крупа. И пусть не случится непогода сейчас, так наступит в любой час. Увы, нелёгкая дорога до Азака ожидала их! Люди в караване сетовали, говорили, что задержка случилась из-за неспешных сборов невесты. Истинную причину знали немногие, но те, посвящённые во все тонкости дела, помалкивали. Когда же нарядный возок, украшенный резьбой и позолотой, похожий на драгоценную шкатулку с сияющей жемчужиной внутри, разместили в середине каравана, сердитые ворчания смолкли. Стоило ли винить юную девушку из ханского рода? Её, будто пёрышко, отрывало от родной земли, уносило своевольным ветром в чужую страну.

Уважаемый караван-баши, избранный накануне, подал знак, и люди, позабыв о прежних сомнениях, переживаниях и заботах, двинулись вперёд. Теперь все их чаяния и надежды устремлялись к Азаку – торговому городу, где их путь из сухопутного превращался в морской. И уже не верблюды и вола, а неведомые прежде кочевникам галеи понесут их на своих деревянных просмолённых спинах по барханам морских волн.

